

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ПОЭМЫ КАЛИДАСЫ «ОБЛАКО-ВЕСТНИК»

ГЛАВА I

КАЛИДАСА И ЕГО ПОЭМА «ОБЛАКО-ВЕСТНИК»

Объектом нашего исследования является поэма великого древнеиндийского поэта и драматурга IV—V вв. Калидасы. «Meghadūta» («Мегхадута» — «Облако-вестник»).

О личности и биографии Калидасы нам в сущности ничего не известно. Многочисленные рассказы о его жизни относятся к разряду легенд.

Кроме поэмы «Мегхадута» Калидасе приписываются еще одна лирическая поэма — «Rtusamhāra» («Времена года»), две эпические поэмы — «Kumārasambhava» («Рождение бога войны») и «Raghuvamśa» (Род Рамы) и три пьесы — «Mālavikāgnimitra» («Малявика и Агнимитра»), «Vikramorvaśīya» («Мужеством завоеванная Урваши») и «Abhijñāna Śakuntala» («Узнанная по кольцу Шакунтала»), принадлежность которых Калидасе не вызывает сомнений.

Поэма «Мегхадута» — вершина поэтического творчества Калидасы. Профессор Г. С. Джхала называет поэму «жемчужиной лирической поэзии» [61, с. 49]. Гете посвятил «Мегхадуте» восторженное двустишие и тепло отозвался об английском переводе [35, с. 216]. Из всех санскритских поэм подражания ей как на санскрите, так и на других индийских языках наиболее многочисленны [67, с. 4]. В средневековье «Мегхадута» породила целый жанр «поэм-посланий» (dūta—kāvyā).

Поэму толковали приблизительно 40 комментаторов, среди которых наиболее известны Валлабхадева (X в.), Стхирадева (приблизительно XII в.), Дакшинаварта (XIII в.) и Маллинатха (XV в.).

Критическое издание профессора Сушила Кумара Де [62], которым мы пользовались в ходе нашей работы, во многом ориентируется на комментарий Валлабхадевы. Де проделал скрупулезную работу по установлению вероятно наиболее близкого оригиналу варианта. Он следовал принципу: найти не априори лучший вариант среди разночтений, а апостериори наиболее достоверный. Критический текст Де определяет сопоставительным изучением и оценкой существующих вариантов.

Количество строф Де согласует с Валлабхадевой и Стрихадевой (111), считая наиболее вероятным, что оригинальный текст Калидасы содержал не более 110 или 111 строф.

Поэма Калидасы много переводилась. В 1893 г. в Коломбо был издан найденный Уильямом Гунатилаком дословный сингальский пересказ «Мегхадуты» явно позднего происхождения. Известен также тибетский перевод «Мегхадуты» в «Танджуре», изданный и переведенный на немецкий Германом Беком в 1907 г. [57]. Бек датирует тибетский перевод XIII-м веком.

Поэма «Мегхадута» впервые была переведена на английский язык и издана вместе с оригиналом известным индологом Г. Г. Уильсоном [63]. Впоследствии «Мегхадута» многократно переводилась как на английский, так и на немецкий, французский, итальянский и другие языки.

Первый перевод «Мегхадуты» с санскрита на русский язык опубликовал П. Г. Риттер в 1914 г. [20, с. 257—275]. В 1974 г. опубликован перевод С. Липкина (с подстрочника Б. Захарьина) вместе с переводом других произведений Калидасы [21, с. 301—332].

Нами поэма «Мегхадута» переведена с санскрита на армянский язык [22, с. 32—44].

Творчество Калидасы, и, в частности «Мегхадута», были объектом изучения многих исследователей.

Наряду с общими работами по истории санскритской литературы, где Калидасе и его поэме посвящены отдельные страницы, предисловиями и примечаниями к переводам, о Калидасе и его творчестве написаны отдельные труды индийских и европейских индологов [61, 65, 67, 69, 70]. В этих работах литературоведческому анализу подвергается также «Мегхадута».

К Калидасе и его творчеству часто обращались и русские, и советские индологи. До революции о Калидасе писал в частности

индолог П. Г. Риттер [35]. Из общих работ, написанных в советское время, примечательны книги И. Д. Серебрякова о древнеиндийской литературе, где отдельные главы посвящены Калидасе [38, с. 84—113; 39, с. 124—144]. Калидасе посвящены специальные труды советских индологов [23, 28]. Заслуживает внимания недавно изданная книга известного советского санскритолога В. Г. Эрмана [51], где обобщен накопленный богатый материал о Калидасе. В книге одновременно с анализом содержания и литературных достоинств произведений Калидасы дается прозаический перевод многих отрывков, в том числе и более половины строф «Мегхадуты»; этим переводом мы пользовались в ходе работы над буквальным переводом поэмы.

«Мегхадуте» посвящены отдельные статьи. Интересный и богатый текстологический материал приведен в диссертации Г. Бека [53], являющейся приложением к изданию и переводу на немецкий тем же автором тибетского перевода «Мегхадуты».

Литературоведческая работа индийского критика Рангачарьи [68] и книга В. К. Паранджпе о «Мегхадуте» [66], к сожалению, остались нам недоступны.

Исследователи касались также вопроса творческого мастерства поэта. Так, например, в обширном труде индийского ученого Сабниса отдельная глава посвящена разнообразным поэтическим фигурам, употребляемым в произведениях Калидасы [71, с. 262—288]. Труд индийского ученого Пиллаи К. Челаппана [55] посвящен сравнениям Калидасы. Некоторым особенностям творчества Калидасы и его языка посвящен сборник, опубликованный в Тирупатхи в 1962 г. [64]. Как видим, поэма Калидасы привлекала исследователей в нашей стране и за рубежом в основном в литературоведческом и текстологическом плане, в синтаксическом она пока не изучалась.

Героем своей поэмы Калидаса избрал якшу (так назывались мифические полубоги, служащие богу богатства Кубере).

Сюжет поэмы прост. Кубера ссылает провинившегося якшу нести свое наказание в куцах горы Рамагири. Якша уже несколько месяцев находится вдали от любимой жены. Увидев облако, окутавшее вершину горы Рамагири, полубог, потерявший разум от любви, просит облако лететь в Алаку, столицу Куберы, к жене якши, сообщить весть о муже и придать этим силы страдающий в разлуке женщине. Для якши облако как бы живое существо, ве-

ликодушное, наделенное высшей духовной сущностью, которое способно понять его горе и посочувствовать. Вся поэма, за исключением первых пяти строф—это речь якши, обращенная к облаку, где он описывает дорогу, которую должно пройти облако до далекой мифической Алаки, где якшу ждет осиротевший дом. И томимый тоской любви полубог своим воспаленным воображением создает неповторимые образы природы Центральной и Северной Индии.

Описания природы становятся средством раскрытия душевного состояния героя поэмы—якши. Речь якши, обращенная к облаку, в сущности, трагический монолог любящего и насильно разлученного с любимым существом человека, который изливает свое горе, тоску, любовь, надежду и отчаяние, но остается без ответа. Облако до конца остается на вершине Рамагири, молчаливое и отчужденное.

Поэма Калидасы относится к жанру «малой поэмы» (khaṇḍa—kāvyā) и сравнительно невелика по объему. Она содержит по критическому изданию 111 строф.

ГЛАВА II

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТРОФЫ В ПОЭМЕ КАЛИДАСЫ «МЕГХАДУТА» И ЕЕ СТИЛИСТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

1. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА СТРОФЫ. О МЕТОДАХ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ

Синтаксическая стилистика—стремительно развивающийся в последнее время раздел лингвистистики, изучающей социально-функциональные и ситуативно-индивидуальные варианты. В число индивидуальных вариантов входит и литературно-художественное произведение в прозе или в стихах.

Изучение синтаксиса стихотворного текста может вестись по двум основным направлениям: 1) изучение синтаксиса строфы (в строфическом произведении); 2) изучение синтаксиса целого текста.

Изучение синтаксиса строфы вообще охватывает проблемы связей ритмических и синтаксических явлений, которым много

внимания уделялось в 10—20-ые годы нашего столетия [3, 5, 18, 43, 45, 50].

Хотя работы теоретиков в основном посвящены особенностям русского стиха, некоторые теоретические положения можно распространить на стихотворную речь вообще. Одним из основных положений является мысль о том, что «стих складывается не просто по законам синтаксиса, а по законам ритмического синтаксиса, т. е. такого, в котором обычные синтаксические законы усложнены ритмическими требованиями» [5]. Исследователи справедливо отмечают также, что «синтаксис стихотворного языка всегда остается единым, это синтаксис *suī generis*, и стих не деформирует уже готовую прозаическую речь, а формирует речь особым образом и не только ритмически, но и синтаксически» [32, с. 5].

Среди проблем, так или иначе связанных с изучением синтаксиса строфы, есть также следующие:

а) разработка понятия стихового ряда или строки как основной стиховой единицы. С этим связан вопрос совпадения/несовпадения поэтической строки и регулярного синтаксического отрезка;

б) влияние строфической/астрофической формы поэтического произведения, стихотворного размера и типа рифм, а также типа стиха (напевный/говорной) на синтаксическую структуру;

в) явления переноса (*enjambement*), как несовпадения ритмических и синтаксических единиц;

г) влияние ритма и интонации на порядок слов в стихотворном тексте;

д) наконец, вопрос об основной синтаксической единице, релевантной для стихотворной речи. Вслед за Г. Н. Акимовой [1, с. 98...], мы принимаем за основную синтаксическую единицу предложение.

Санскритское стихосложение основано на несистематической последовательности кратких и долгих слогов. Метрические соображения влияют на обычный порядок слов в такой степени, что синтаксически связанные элементы отделяются и, наоборот, логически несвязанные элементы располагаются вместе. Это обстоятельство позволило многим исследователям говорить о свободном порядке слов в санскрите.

Известный голландский санскритолог Ян Гонда впервые обстоятельно рассмотрел вопрос о соотношении синтаксической структуры предложений и метрической структуры стихов на материале стихов, написанных размером *anuṣṭubh* «Ригведы» и «Атхарваведы» [59, 60].

Ян Гонда выяснил, во-первых, что «метрические единицы склонны быть одновременно синтаксическими единицами; наименьшая метрическая единица (*pada*) часто, и в противоположность классическому употреблению, содержит законченную синтаксическую единицу, и случаи внутреннего переноса сравнительно редки, и, во-вторых, что различные средства стихосложения ограничивают возможность синтаксического хаоса [60, с. 143]. Далее автор отмечает: «Структура предложений стихотворных текстов, сколь бы «свободной» она ни была в древнем индоевропейском смысле этого термина, чаще всего далека от бессмыслицы, широко функциональна и нередко находится в гармонии с естественными тенденциями... Они (т. е. поэты.—В. А.) предпочитают выражать свои мысли сравнительно несложными синтаксическими структурами, дополняя или расширяя их изнутри эпитетами, звательными формами или синтаксическими синонимами» [60, с. 145—146].

Хотя в классическом санскрите положение меняется, но исследуемое нами произведение Калидасы в основном сохраняет соответствие между метрическими и синтаксическими единицами. Случаи переноса, встречающегося особенно во второй части поэмы, в основном, можно объяснить художественными соображениями (об этом см. II гл., часть V).

Чтобы исследовать соотношение между метрическими и синтаксическими единицами в «Мегахадуте», мы обратились к методу лингвистического моделирования [15, с. 51—55]. Для характеристики строфы по составу входящих в нее синтаксических компонентов мы употребляем формулу. Каждая цифра формулы показывает количество строк, которые занимает данный синтаксический компонент. Например, формула 2+2 показывает, что строфа поэмы, представляющая собой четверостишие, состоит из двух синтаксических компонентов, занимающих по две строки. Одновременно мы употребляем символы для обозначения степени сложности синтаксических компонентов, из которых состоит стро-

фа. Употребляются 3 вида скобок: круглые — () для выделения оборотов, играющих первостепенную роль при определении облика строфы, квадратные — [] для выделения частей сложного предложения и фигурные — { } для выделения отдельных предложений. Например, формула $\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$ показывает, что строфа состоит из двух отдельных сложных предложений, каждое из которых занимает двустопишие. Такое моделирование строфы при помощи формулы позволяет ясно и четко представить себе основные контуры синтаксической структуры строф.

Приводимые в приложении таблицы суммируют результаты анализа и выявляют общую картину синтаксического членения строф разной степени сложности.

При анализе синтаксической структуры строф «Мегхадуты» возникает потребность группировки обширного материала. Можно группировать анализируемые строфы, как это делает Н. С. Поспелов [32, с. 84—170], по степени сложности синтаксической структуры: строфы—простые предложения объединить в одну группу, строфы—сложные предложения—в другую, строфы, состоящие из двух или более самостоятельных предложений,—в третью.

Строфы—простые предложения можно разделить на две подгруппы по характеру входящих в них оборотов: строфы с согласуемыми бахуврихнальными или причастными оборотами—в одну подгруппу, строфы с деепричастными оборотами—в другую и т. д.

Однако нам представляется более целесообразным классифицировать строфы любой синтаксической структуры по их коммуникативному заданию. В каждую группу входят строфы, являющиеся функциональными синонимами, т. е. с одинаковым коммуникативным заданием. Наличие строф-функциональных синонимов, оказывается возможным ввиду богатства и разнообразия строя языка, присущей языку тенденции употреблять различные грамматические средства и формы для проявления одних и тех же отношений между предметами и явлениями.

Это позволяет сделать речь более меткой, выразительной избежать однообразия. Например, эквивалентны бахуврихнальные, определительные причастные обороты и придаточные определительные. И поэтому в поэме строфы—простые предложения с бахуврихнальными (или определительно-причастными) оборотами по выполняемой ими коммуникативной функции в основном аналогичны:

строфам-сложноподчиненным предложениям с определительным придаточным. Общее для них коммуникативное задание состоит в том, чтобы наиболее полно охарактеризовать слово-понятие, являющееся информативным центром [27, с. 11; 54] данной строфы-предложения. Такое слово мы называем ключевым. В некоторых случаях ключевым для строфы является целое словосочетание или несколько слов, как например, строфы с сентенцией и строфы-сравнения (см. 2.3 и 1.2 данной главы). Иногда же все предложение несет равномерную коммуникативную нагрузку и выделить какие-то ключевые слова и словосочетания невозможно. Например, в строфах с соблазном и предостережением (глава II, 2.1) коммуникативное задание—соблазн или предостережение облаку—осуществляется благодаря отношению вывода или отношению обоснования/пояснения между частями сложноподчиненного предложения, то есть и первая, и вторая часть предложения полноправно участвуют в выявлении коммуникативного задания.

Таким образом мы устанавливаем в каждом случае соотношение заданного плана содержания к различным планам выражения, т. е. функциональную синонимию.

Все строфы по заключенному в них коммуникативному заданию объединяются в 6 отдельных групп, не считая строф-одиночек, которых всего девять (глава II, подраздел 3). Эти группы можно, в свою очередь, объединить в два больших класса по следующему принципу: какова направленность коммуникативного задания—на описание некоторого явления или на прямое воздействие на адресата.

Описательная направленность преобладает в строфах, коммуникативное задание которых заключается в характеристике ключевого слова (глава II, 1.1), в строфах-сравнениях (глава II, 1.2), где главная задача заключенного в них сообщения—образное представление явления, описание.

К строфам прямого воздействия относятся, например, строфы с соблазном и предостережением (глава II, 2.2), где сообщение, прежде всего преследует цель воздействовать на адресата, внушить ему сознание необходимости действовать определенным образом. То же самое наблюдается и в строфах движения (глава II, 2.1), строфах с сентенцией (глава II, 2.3), строфах психологической настройки (глава II, 2.4).

Но это не значит, что в первой группе отсутствует момент внушения, или во второй—описательность, мы говорим о преобладающей направленности сообщения в строфах указанных групп (соблазн и предостережение включают в себя описание и т. д.).

Главной нашей целью при работе, однако было установление стилистико-семантической функции, которую выполняет та или иная коммуникативно-синтаксическая группа строф. В. В. Виноградов справедливо замечает: «Обозначаемое или выражаемое средствами языка содержание литературного произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения. Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Но в плане такого изучения и содержание не может остаться за пределами языка художественной литературы... Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его «содержанием» и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [7, с. 91]. Л. В. Щерба кратко формулирует, что целью и задачей изучения языка художественного произведения «является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [49, с. 98].

Таким образом, раскрытие коммуникативного задания строф в качестве главной цели предполагает анализ внутреннего содержания строфы, ее синтаксической структуры, а затем парадигматическое соотнесение ее с другими строфами той же группы.

Установление стилистико-семантических функций данной строфы или целой группы строф предполагает рассмотрение строф на фоне всей поэмы, выявление их роли в раскрытии художественного содержания поэмы.

Следовательно, при анализе мы неминуемо обращаемся к филологической интерпретации, ибо для комментирования и объяснения стилистико-семантических функций тех или иных строф, мы обращаемся к широкому контексту, сопоставляя данные синтаксического анализа с данными анализа литературоведческого и уточняя их результаты.

Таким образом, при исследовании во второй главе данной работы синтаксической структуры строф и объяснении их стилистико-семантических функций мы используем совокупность разных методов: метод синтаксического анализа строф (внутриструк-

турной таксономии) мы сочетаем с методом, который можно назвать методом классификации строф по заключенному в них коммуникативному заданию. Последний метод был подсказан нам самим исследуемым материалом в ходе работы. Одновременно употребляются также методы лингвистического моделирования и филологической интерпретации.

II. ПРИЗНАКИ СТРОФЫ ПОЭМЫ

Калидаса творил на классическом санскрите, языке, расцвет которого приходится на V—XII вв. н. э. Под влиянием аналитических способов выражения связей, преобладающих в среднеиндийских языках, в классическом санскрите развился так называемый именной стиль, личные глагольные формы уступили место неличным. Широкое распространение наряду с деепричастными и причастными оборотами получили также обороты, образованные пространством атрибутивным сложным словом—бахуврихи и словами, поясняющими его компоненты. Такие обороты мы называем бахуврихияльными.

Классическому санскриту присуща строгая нормализованность и регулярность форм. Но Калидаса, по-видимому, довольно часто употреблял формы, являющиеся отклонениями от грамматических правил, предписанных Панини (V—IV вв. до н.). В издании «Мегхадуты» Сушилом Кумаром Де приводятся эти нерегулярные формы, хотя некоторыми комментаторами они отвергаются. Де считает эти нерегулярности исконными¹.

Поэма Калидасы «Мегхадута» невелика по объему. Она содержит всего 111 строф по критическому изданию [62]. Поэма состоит из двух частей: первая (строфы 1—63) называется *Rūgva-Megha* и вторая часть (строфы 64—111)—*Uttara-Megha*. Эта лирическая поэма вся написана размером *mandākṛānta*, представляющим собой четверостишие по 17 слогов в строке, с определенной последовательностью долгих и кратких слогов, одинаковой во всех строках. Строка имеет две цезуры—после 4-го и 10-го слогов

— — — — / — — — — — — — — — — / — — — — — — — — — — =.

Поэма написана в строфической форме. Строфа поэмы, будучи «основной единицей метрического построения» [19, с. 13—14], характеризуется двумя показателями:

а) ритмико-интонационная замкнутость и

в) синтаксическая и тематическая законченность.

Рифма, как организующий строфу элемент, здесь отсутствует.

При одинаковом во всех строках размере ритмико-интонационная замкнутость строфы проявляется в том, что при произнесении стихотворного текста задаются паузы после каждого двустушия и четверостишия, т. е. в конце и в середине строфы. На письме наличие паузы отмечается знаком паузы (одной вертикальной чертой в конце двустушия и двумя—в конце четверостишия) и отсутствием между второй и третьей строками и в конце строфы сандхи, в то время, как между 1 и 2, 3 и 4 строками сандхи обычно. Пауза в конце строфы дольше, чем в конце двустушия, что отражается и на письме. Пауза играет решающую роль в построении стихотворной фразы, ею диктуются синтаксическая и тематическая законченность строфы. Последняя в большинстве случаев представляет собой одно или более законченных предложений. Она—отдельное тематическое целое, т. е. имеет собственную микротему.

Есть, правда, случаи, когда строфа формально представляет собой единицу меньшую, чем законченное предложение, например, в описании Алаки (64—71) или пребывания в Удджайини (32—33), но и тут, несмотря на формальную незаконченность, она сохраняет свою ритмико-синтаксическую и смысловую автономность.

Как будет показано в дальнейшем, пауза внутри строфы влияет на ритмико-синтаксическое расчленение строф, которое в подавляющем большинстве случаев происходит симметрично.

Поэма композиционно делится исследователями на несколько разделов. Первая часть поэмы делится на два раздела: I раздел—описание исходной ситуации и краткий набросок темы всей поэмы (1—13); второй раздел (14—63)—описание дороги облака от горы Рамагири до мифического города Алаки. Во второй части поэмы (Uttara-Megha)—строфы 64—78 дают описание Алаки и тех особых примет, по которым можно узнать жилище якши. Строфы 79—95 дают описание жены якши, и последний раздел (96—111) составляет послание якши².

Строфа в поэме, характеризуясь ритмико-синтаксической и тематической законченностью, несмотря на относительно небольшой объем (четверостишие), обычно имеет сложную синтаксиче-

скую структуру. Поэма характеризуется, с одной стороны, повторяемостью некоторых синтаксических разновидностей строф, что объясняется единством темы, единством субъекта, единством модального плана повествования (в сущности, за исключением первых пяти строф, вся поэма составляет обращение якиши к облаку), но, с другой стороны, намечается стремление к разнообразию синтаксического построения строфы. Мастерски используются цитации мыслей в форме прямой речи, риторические вопросы, моральные и философские обобщения; довольно часто структура строфы представляет сложное предложение усложненного типа, с разнообразными подчинительными и сочинительными связями между частями. Заметно также, что в разных частях поэмы в зависимости от содержания синтаксис строфы упрощается или усложняется, учащается употребление тех или иных синтаксических разновидностей строф.

Содержание и форма в поэме составляют неразрывное единство. Раскрытие синтаксической структуры строфы позволит более глубоко постигнуть содержание, экспрессивную и идейную нагрузку поэмы, в какой-то степени раскрыть механизмы творческого процесса. Оно дает возможность понять и в дальнейшем произвести анализ синтаксического строя поэмы в целом, с другой стороны, позволит определить соотношение между синтаксическим и ритмическим строем произведения, определить случаи совпадения-несовпадения границ метрических и, соответственно, выяснить особенности строения строчной синтагмы в поэме.

Строфы объединяются нами в отдельные группы в зависимости от того, какое основное коммуникативное задание имеют они по своему содержанию, каков тот основной информативный стержень, на котором основывается та или иная их структура. Строфы рассматриваются без деления поэмы на первую и вторую части.

III. АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СТРОФ ПОЭМЫ

А. СТРОФЫ ЗАМКНУТОЙ СТРУКТУРЫ

1. Описательные строфы

1. 1. Строфы с характеристикой ключевого слова

- а. Строфы—простые предложения с определительными оборотами.

Модель простого предложения, из которого состоит строфа, заполняется разными грамматическими единицами. Одно из важных синтаксических средств—заполнение строфы атрибутивными сложными словами (бахуврихи) или же эквивалентными им определительными причастиями³, вокруг которых могут группироваться дополнения и обстоятельства, в свою очередь тоже имеющие определения⁴. Бахуврихальный (или причастный) оборот обычно определяет существительное, являющееся ключевым словом, несущее наибольшую степень коммуникативной (информативной) нагрузки в строфе—предложении.

Бахуврихи (а также определительные причастия), конечно употребляются и в других типах строф, но там они не играют той главной, организующей и всеопределяющей роли для синтаксического строя строфы. Возьмем в качестве примера строфу № 35⁵. Вот ее буквальный перевод:

pādanyāsakvaṇṭaraśanās tatra līlavadhūtai
ratnacchāyākhacitabalibhiḥ cāmaraiḥ klāntahastāḥ
veśyās
āmokṣyante tvayīkāṭākṣān (35)

Там (храмовые) танцовщицы, у которых пояса звенят от поступи (танца), усталорукие из-за игривого взмахивания опахалами, у которых (опахал) ручка имеет блеск драгоценных камней, станут метать на тебя взоры...⁶

Подлежащее *veśyās* «(храмовые) танцовщицы», здесь несет на себе наибольшую степень информативной нагрузки, является ключевым для данной строфы словом.

Подлежащее и группа сказуемого находятся во втором двустииши. Первое же двустиишие целиком заполняется за счет двух бахуврихи— *pādanyāsakvaṇṭaraśanās* «у которых пояса звенят от танца» и *klāntahastāḥ* «с усталыми руками», второе из них имеет свою группу—обстоятельство причины *līlavadhūtaiḥ* «из-за игривого взмахивания» и дополнение к нему *cāmaraiḥ* «опахалами» со своим бахуврихи *ratnacchāyākhacitabalibhiḥ* «у которых ручки имеют блеск драгоценных камней». Таким образом, строфа расчленяется на два двустииши не только ритмически (пауза между 2 и 3 строками, связанная с отсутствием сандхи, а также более высокая тональность, с которой начинается 3 строка во время исполнения), но и синтаксически (бахуврихальные обороты—в

первом, двустипии и определяемое—подлежащее с группой сказуемого—во втором двустипии). Формула строфы по составу организующих ее синтаксических компонентов: (2) + (2). Таким же образом организуются и № 1, 42, 92, 103.

Иногда синтаксическое расчленение строфы на двустипии отсутствует, и тогда строфа составляет как бы одно неделимое целое. Строфа 23 схематически выглядит так:

...tvayyāsanne...sampatsyante...daśārṇāḥ...

...при твоём (т. е. облака) приближении (т. е. в муссонное время)... предстанет ...Дашарна...

Остальное пространство строфы заполняют четыре бахуврихиальных оборота, которые определяют подлежащее *daśārṇāḥ*, являющееся ключевым словом. Бахуврихальная группа не ограничивается от группы «подлежащее+сказуемое». Первые два оборота четко располагаются по первым двум строкам, третье бахуврихи вместе с абсолютным оборотом—в третьей строке, а четвертое—вместе со сказуемым и определяемым подлежащим—в последней строке. Формула строфы: 4. Такую же формулу имеют и № 47, 81.

№ 93 являет собой пример заполнения пространства строфы определительными причастными оборотами к ключевому слову. Первые три строки заполняются соответственно оборотами с определительными причастиями *nisuamāṇaḥ*, *tyājitaḥ*, *samucitaḥ* к подлежащему *īṅiḥ* «бедро». Подлежащее и сказуемое располагаются отдельно в последней строке.

Формула строфы: (3) + (1).

б. Строфа—сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, содержащим определительные обороты

№ 29 являет собой не простое предложение, а сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, распространенным за счет бахуврихиальных и причастных оборотов, определяющих ключевое слово—подлежащее в придаточном определительном. Несмотря на синтаксическую сложность, строфа воспринимается как разновидность строф, функция которых—характеристика ключевого слова.

Когда минуешь ее, именно тобой будет применен способ, благодаря, которому оставит худобу Синдху, у которой вода

тонка подобно косе вдовы, у которой (у реки) — светло-желтый оттенок от старых листьев, падающих с выросших на берегу деревьев, которая, о счастливый, состоянием разлуки показывает, что ты любим.

Формула строфы: $[(3) + (0.5)] + [0.5]$.

в) Строфы—сложноподчиненные предложения с относительным придаточным определительным

Трансформами вышеназванных стрóf—предложений являются строфы, состоящие из сложноподчиненного предложения с определительным придаточным.

а) препозитивным или

б) постпозитивным

1) Пример препозиции являет № 44. Вот ее буквальный перевод:

iyotirlekhāvalayī galitaṃ yasya barhaṃ bhavāni
pūtrapremṇā kuvalayadalaprāpi karṇe karoti
dhautāpāṅgaṃ haraśaśirucā pāvakes taṃ mayūraṃ
paścād adrigrahaṇagurubhir garjitair nartayethāḥ (44)

Чье упавшее перо, отороченное сверкающей полоской, Бхавани из любви к сыну кладет за ухо (так, что оно) касается лепестков лотоса; того павлина Сканды с отбеленным светом луны Шивы уголками глаз заставь потом танцевать (своими) громами, раскатистыми от горного эха⁷.

2) Примером постпозиции может служить № 15.

ratnacchāyavyatikara iva prekṣyam etat purastāt
valmīkāgrāt prabhavati dhanuḥkhaṇḍam ākhaṇḍalasya
yena śyāmaṃ vapur atītārāṃ kāntīm āpatsyate te
barheṇeva sphuritarucinā gopaveśasya viśṇoḥ (15)

Вот за вершиной термитника возникает лук Индры (радуга), прекрасная, как переливы драгоценных камней, благодаря которой твое темное тело достигает небывалой красоты, подобно тому, как (красота) Вишну в облике пастуха (еще более оттеняется) головным убором из переливающихся всеми цветами павлиньих перьев.

Строфы с постпозицией—12, 15, 25, 50, 55, 58, 63, 72, 73, 76, 96.

Строфы с препозицией—44, 48, 49, 100.

Все эти строфы расчленяются строго по двуступиям, то есть первое двуступие является главным предложением, второе — придаточным, или же наоборот.

Формула строф: [2] + [2].

г. Филологическая интерпретация.

Строфы, рассмотренные в а, б, в, составляют самую обширную группу. Это чисто описательные строфы, которые употребляются тогда, когда поэт стремится с разных сторон и достаточно точно охарактеризовать предмет, выраженный ключевым словом строфы. Ключевым словом в основном являются новый пункт назначения облака или новый предмет. Так, в 12-ой строфе при помощи относительного придаточного предложения характеризуется гора Рамагири — начальный пункт путешествия облака. Точно так же описываются гора Ничайс (25), поле Куру (48), река Сарасвати (49), Ганга (50), гора Кайласа (58). Эти географические имена являются тем информативным центром, который представляет наибольший интерес для данной строфы. Этим же типом строф описываются и новые предметы — радуга (15), павлин Сканды (44) и т. д. Эти описательные строфы употребляются с 12-ой строфы, где дается описание исходного пункта путешествия облака, и преобладают в описании путешествия облака до Алаки (10 раз); эти строфы встречаются и во второй части поэмы во время описания дома и сада якши 4 раза и 2 раза в послании.

Посредством бахуврихи в составе простого предложения определяются и характеризуются якша в начальной строфе поэмы, Дашарна (23), храмовые танцовщицы у Махакалы (35) и т. д.

Причастиями в составе простого предложения определяется бедро жены (93). Бахуврихальными и причастными оборотами в придаточном определительном в составе сложноподчиненного предложения определяется река Синдху (29).

В первой части поэмы чисто описательные строфы встречаются 15 раз, а во второй части 10 раз, — итого 25 раз. К этому можно добавить отдельные группировки строф, формально меньших, чем законченное предложение, представляющих собой определительные придаточные предложения к главному предложению, коим является для них начальная строфа группы (так называемые строфы — открытые конструкции) — строфы с описанием Алаки (63—71), с описанием жены (79—80) и т. д., которые будут

рассмотрены отдельно и которые в сущности тоже являются разнovidностью строф, рассмотренных выше. И тогда становится ясным, какой удельный вес имеют в поэме строфы, установка которых характеристика ключевого слова.

1. 2. Строфы—сравнения

а. Строфы—простые предложения, осложненные абсолютным локативом и сравнительным оборотом

В № 18 абсолютный локатив, находящийся в первом двустии вместе с группой подлежащего, выражает действие, одновременное с главным действием.

channopāntaḥ pariṇataphaladyotibhiḥ kāpanāmraisa
tvayy ārūḍhe śikharam acalaḥ snigdhaveṇīsavarṇe
pūnam yāsyaty amaramithunaprekṣaṇīyam avasthām
madhye śyamaḥ stana iva bhavaḥ śeṣavistārapaṇḍuḥ (18)

Когда ты, подобный блестящей заплетенной косе, поднимаешься на вершину, гора, чьи склоны покрыты лесными манго, сияющими от созревших плодов, конечно, придет в состояние, достойное, чтоб им любовались пары богов; в середине темная, а по склонам светлая, словно (это) грудь земли.

3-ю строку этой строфы занимает группа сказуемого, а 4-я строка—сравнение, где предметом сравнения является подлежащее—(acalaḥ—гора). Агнс (облако), обозначенный местоимением второго лица в локативе, совершает действие, благодаря которому подлежащее acalaḥ «гора» изменяется, и это изменение дает толчок для создания сравнения. В сущности, цель построения такой строфы—создание великолепного сравнения, основанного на форме и на контрасте темных и светлых тонов.

В этой строфе смысловое членение почти симметрично. Первое двустиие занимает описание картины: гора такая-то + облако со своими признаками; второе двустиие занимает описание результата взаимодействия облака и горы. Но смысловое и грамматическое членения не совпадают. В этой строфе нет расчленения ни абсолютного оборота от описательной части, ни группы подлежащего от группы сказуемого, так как в последней строке находится сравнительный оборот, предметом которого является подлежащее, находящееся во второй строке строфы. В сущности строфа воспринимается как синтаксически неразрывное целое, из

которого вычленяется сравнительный оборот в последней строке. Формула 3+1.

Такое же смысловое расчленение имеет и строфа 46. Первое двуступишье—облако и река, характеризуются в отдельности. Второе двуступишье—образ, возникающий у зрителя (у тех же богов, глядящих сверху) в результате встречи облака и реки. Смысловое членение как 18-ой, так и 46-й строф: 2+2. Но смысловое и грамматическое членение и тут не совпадают. В № 46 в первой строке вычленяется абсолютный оборот. Вторую строку занимает группа дополнения *pravāhaṃ* «поток» к сказуемому *prekṣiṣyaṇte* «увидят». Сказуемое вместе с подлежащим находится в третьей строке, а четвертую строку занимает сравнительный оборот, предметом сравнения является дополнение ко второй строке. Таким образом, здесь вычленяются абсолютный локатив в первой строке и сравнительный оборот в четвертой. Формулу можно представить так: (1) + (2+1).

Смысловое членение строфы 59—почти то же (только по обоим двуступишиям разнесены подлежащее и сказуемое). В первой строке—облако (ты такое-то), 2-я строка—гора такая-то, 3-я строка—оценка со стороны богов и 4-я строка—образ сравнения. Но синтаксический облик строфы—иной. Абсолютный оборот, которым описывается облако, не вычленяется; вместе с ним в первой строке находится сказуемое; детерминатив *tasya* «той» оторван от определяемого *adreh* «горы» границей двуступишия, в 3-й строке находится дополнение *lilāṃ* «(волшебное) зрелище» (букв. чудесную игру) к сказуемому *utpaśyāmi* «предвижу», а в четвертой строке находится сравнительный оборот, относящийся к агенту локативного оборота *tvaṃ* «ты». Таким образом, в строфе можно вычленить лишь сравнительный оборот. Формула строфы: 3+1.

б. Другие строфы—функциональные синонимы

Сходна с вышеописанными строфами строфа 51, которая представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условным в первом двуступишии. Строфа, четко расчлененная границей двуступиший на придаточную и главную части, будет иметь формулу [2] + [2]. Смысловое же членение схоже с вышеперечисленными строфами. Сходна с ними и строфа 52 с деепричастным оборотом в первом двуступишии, где действие, выражен-

ное личным глаголом, является непосредственным результатом действия, выраженного деепричастием *prārua* «достигнув». Формула строфы: (2) + (2).

в. Интерпретация

Если в строфах, основная установка которых охарактеризовать ключевое слово, облако—главное действующее лицо поэмы—находилось в позе пассивного созерцателя нового объекта, а главной функцией строфы была исчерпывающая характеристика этого нового объекта, если в строфах движения функцией строфы будет повествование о различных действиях облака и других персонажей (напр., птиц, животных), а описание нового объекта будет или отсутствовать, или отодвигаться на второй план (2.1), то в типе строф, описанных в этом параграфе, облако взаимодействует с новым пунктом назначения (с горой или рекой), и в результате возникает прекрасная картина природы, дающая толчок для создания сравнения. Строфы эти, как и строфы с характеристикой ключевого слова, можно отнести к разряду описательных строф, ибо здесь даются описание взаимодействия двух объектов и раскрытие полученного в результате образа при помощи сравнения. Во всех случаях сравнения основаны на контрасте темных и светлых тонов, черного и белого цветов. Это—излюбленная цветовая гамма Калидасы, и встречается она не только в вышеперечисленных строфах. Например, в строфе 47 на этом контрасте основано описание глаз женщин Дашапуры, в строфе 27—пейзажа Дашарны и т. д. Позволим себе сделать предположение, что поэт любит контрасты не только ради создания прекрасного образа или пейзажа. Известно, что разные цвета у индийцев связываются с разными душевными состояниями: черный цвет—с гневом, печалью; белый—с радостью, смехом; красный—с любовью и т. д. И контраст черного и белого (темного и светлого) выражает как бы философскую мысль поэта: жизнь в которой сочетаются горе и радость, прекрасна. Особенно если иметь в виду, что почти ту же мысль Калидаса варьирует в известном афоризме:

*kasyātyantaṃ sukhaṃ upanataṃ duḥkham ekāntato vā
nicair gacchaty upari ca daśā cakranemikrameṇa* (106)

Ничей удел ведь не бывает сплошь счастливым иль несчастным: Судьба бросает нас то вниз, то вверх, как ободок колесный⁸.

Рассмотренные в а и б типы стрóf встречаются только в первой части поэмы в отрывке, где описывается путешествие, облака от Рамагири до Алаки.

2. Стрфы воздействия

2. 1. Стрфы «движения»

- а. Стрфы—простые предложения с деепричастными или причастными оборотами

Стрфа может заполняться деепричастием или причастием, имеющими общее со сказуемым подлежащее, и их группой. При этом деепричастные обороты всегда предшествуют сказуемому. Это—особенность, присущая всем языкам индийского ареала.

Возьмем для примера № 2:

tasminn adrau katicid abalaviprayuktaḥ sa kāmī
nītvā māsān kanakavalayabhramśarikṭapraakoṣṭhaḥ
aśaḍhasya prathamadivase megham āśliṣṭasānuṃ
vapraḥkṛiḍāparinatagaḥaprekṣaṇīyaṃ dadarśa (2)

На этой горе, проведя несколько месяцев в разлуке с женой, влюбленный, с рук которого упали золотые браслеты, в первый день ашаḍхи увидел облако, охватившее вершину, подобно слону, склонившемуся в игре с холмиком.

Здесь первое двустишие заполняется деепричастным оборотом и подлежащим со своими определениями abalāviprayuktaḥ «разлученный с женой» и kanakavalayabhramśarikṭapraakoṣṭhaḥ «с руками, пустыми, т. к. упали золотые браслеты», а второе двустишие занимает группа сказуемого. Отчетливо проступает синтаксическое расчленение стрфы на двустишия. Формула: (2) + (2).

Общее для деепричастия и сказуемого подлежащее может располагаться как в строках с деепричастными оборотами, так и в группе сказуемого.

В № 111 первое двустишие заполнено деепричастным оборотом, развернутым за счет обстоятельств причины (аблатив sauharḍad «из дружбы» и инструменталис maуу anukrośabuddhyā «из чувства сострадания ко мне» к деепричастию kṛtvā (сделав,

исполнив). Второе двустипие занимают группы однородных сказуемых. Формула строфы: $(2) + (1+1)$.

Строфа с деепричастным оборотом, сохраняя симметричное членение, может иметь более сложную структуру, например, в № 11, первое двустипие составляет деепричастный оборот, но дополнение к деепричастию определяется относительным придаточным предложением в первой строке. Следует также отметить, что вместе с деепричастным оборотом во второй строке находится также определение к подлежащему, которое расположено во втором двустипии. Формула строфы: $(1+1) + (2)$.

В № 4 первое двустипие составляет причастный оборот с причастием будущего времени *haḡaiṣ uap* «желая отправить», выражающим причину, мотив совершения главного действия с оттенком намерения, и оборотом отглагольного имени *arṭhi* «желая», согласующимся с подлежащим и тоже выражающим намерение. Второе двустипие составляют подлежащее и группа сказуемого. Причастие и отглагольное имя здесь равноценны деепричастию. Строфа имеет четкое членение на двустипия.

В № 45 в первой строке первого двустипия имеются деепричастный и причастный обороты, вторую строку занимает бахуврихнальный оборот, определяющий невыраженное подлежащее второго лица; во втором двустипии находится группа сказуемого. Формула: $(1+1) + (2)$.

В № 19 первую и вторую строки занимают деепричастный и причастный обороты, а второе двустипие—группа сказуемого; причем дополнение *geṽāp* имеет сравнительный оборот, занимающий четвертую строку. Основное ритмическое и смысловое членение строфы происходит по двустипиям. Формула строфы: $(1+1) + (1+1)$.

В № 36 первую и вторую строки занимают соответственно два причастных оборота. Третью строку занимает группа сказуемого, а 4-я строка представляет собой бахуврихнальный оборот к подлежащему, выраженному местоимением второго лица. Основное членение строфы происходит по двустипиям. Формула та же: $(1+1) + (1+1)$.

В № 16 первое двустипие—осложненный цитатой определительный (может быть по контексту и причинный) причастный оборот. В третьей строке—деепричастный оборот и группа ска-

зуемого в 4-й строке. Формулу строфы можно представить так: $(2+1) + (1)$.

№ 78 в первой строке заполняется деепричастным, а во второй—причастным оборотами. Второе двуступище занимает группа сказуемого. Формула: $(1+1) + (2)$.

Строфы с деепричастными или причастными оборотами могут иметь и асимметричное членение: $(3) + (1)$. Например в № 21 первые три стиха заполняются двумя деепричастными оборотами, 4-ю же строку занимает группа сказуемого.

В № 95 деепричастный оборот и группа сказуемого строго не расчленяются (т. е. каждый из них не занимает цельного ритмического куска). Формула строфы: 4.

б. Интерпретация

Строфы с деепричастными и причастными оборотами в составе простого предложения употребляются, когда лицо (или олицетворенный предмет) должно совершить (или совершило), кроме главного действия, и другие, сопутствующие действия, предшествующие главному действию или одновременные с ним. В частности, когда субъектом действия данного простого предложения с деепричастным (или причастным) оборотом является облако (местоимение второго лица, которым обозначается облако, часто не выражено); обычно это такие строфы, когда облако побуждается к переходу от данного объекта к новому, и новое или не характеризуется или же характеризуется кратко, с тем, чтобы в следующей строфе получить более полную характеристику. Например, № 45.

arādhyaṇaṃ śaravaṇabhavaṃ devam ullaṅghitādhvā
siddhadvandvair jalakaṇabhayād vīṇibhir muktamārgaḥ
vyālabethaḥ surabhitānayaḷambhaḥjāṃ māṇayīṣyaṇ
srotomūrtyā bhuvi pariṇatāṃ rantidevasya kīrtim (45)

Почтив этого бога, рожденного в тростниках, пролетев некоторое расстояние, ты, чья дорога оставлена парами лютнистов—сиддхов из страха перед каплями воды, помедли, чтобы поклониться славе Рантидевы, рожденной закланием дочерей Сурабхи и воплотившейся на земле в образе реки.

Посредством такой «двигательной» вставки осуществляется

связь эпизодов, микросюжетов. Обычно все пространство такой строфы заполняется определениями предыдущего объекта или самого облака, или же несколькими деепричастными (или причастными) оборотами.

Условно эти строфы можно было бы назвать строфами движения. Таковы № 19, где облако побуждается якшей, отдохнув на горе Амракуте, пойти по дороге, чтобы увидеть реку Реву; № 62, где облако должно взять воду из Манаса, сделать покров для головы Айраваты, сотрясти листву деревьев калпа (эти действия выражаются причастиями) и, наконец, достигнуть Кайласы; № 78, где облако, пойдя прямо и, отдохнув на горе забав, должно бросить свой взор внутрь жилища якши; № 16, где облако, «выпиваемое» взглядами селянок, поднявшись на Малу, должно двинуться на запад, затем снова на север и, наконец, 111-я строфа, которой кончается поэма. В № 111 облако побуждается плыть из Алаки дальше, в желанную страну, после того, как исполнит просьбу якши. Таким образом, тема пути и движения, тема странствования не прекращается, она продолжается, и ею завершается поэма.

Среди строф, заполняющихся деепричастными (или причастными) оборотами, есть и такие, в которых нет темы движения, как, например, № 36, 95, и такие, где главным действующим лицом является не облако, а якша (№ 2, 4), лебеди (№ 11), антилопы (№ 21). Но основное, что объединяет эти строфы, это то, что цель построения их не в характеристике нового объекта, а в передаче двух или нескольких последовательных действий одного и того же субъекта. То есть ключевыми словами для данных строф являются деепричастия/причастия и личный глагол (в повелительном наклонении или в простом будущем).

2. 2. Строфы с соблазном или предостережением

- а. Строфы, состоящие из двух простых предложений, связанных отношением вывода

В поэме довольно часто встречаются строфы, состоящие из сложносочиненного предложения вывода. В первой части такого сложносочиненного предложения дается утверждение, а во второй части — вывод. Эти предложения можно представить как

конверсивные к сложносочиненным предложениям с отношением обоснования—пояснения во второй части.

В № 40 первая часть сложного предложения, занимающая первое двустийе—утверждение, из которого во второй части делается вывод.

gambhīrayaḥ payasi saritaś cetaśīva prasanne
chāyatmāpi prakṛtiśubhago lapsyate te praveśam
tasmād asyaḥ kumudaviśadāny arhasi tvam na dhalryān
moghīkartum caṭulaśapharodvartanaprekṣitāni (40)

В ясную воду Гамбхиры, как в (ясную) душу, получит доступ твоё отражение, приятное по природе; поэтому ты не должен из упрямства делать бесполезными её (влюбленные) взгляды-выпрыгивающие трепетные рыбки—белые, как лилия кумуда.

Формула строфы: [2] + [2].

В первой строке № 7 (до второй цезуры) делается утверждение, построенное на общезыковой метафоре вроде «гореть-горе», «печь—припекать—печаль», о том, что облако является утешением страждущих (santāptīnām tvam asi śaraṇam). Облаком и дождем охлаждает страдающих от жары, на этом возникает естественная ассоциация: облако утешает и страдающих душевно (ведь, действительно, с приходом облаков и наступлением сезона дождей странники стремятся домой к своим женам). Во второй части, начинающейся со второй цезуры первой строки, на основании этого утверждения выводится побуждение облака отнести весть якиши его возлюбленной. При этом ко второй части—выводу, присоединяется во втором двустийи предложение, конкретизирующее, куда именно облако должно лететь, то есть адрес жены. Сказуемое в части вывода выражено императивом глагола *hṛ* (относить), а сказуемое присоединяемого предложения—пассивным причастием будущего времени глагола *gaṇ* «идти». Агнс остается тем же, но подлежащее меняется; в первом случае им может считаться подразумеваемый номинатив личного местоимения второго лица, а во втором это существительное *alaka*, между тем как агнс выражен энклитической формой генитива того же местоимения. Существительное *alaka*, являющееся ключевым словом, будучи подлежащим, особо подчеркивается. В сущности, строфа представляет собой предложение ус-

ложниенного типа, где есть два разных типа сочинительной связи, но преобладающим является отношение вывода. Формулу строфы можно представить так: [0,5] + [1,5] + [2].

Первая строка № 85 представляет простое распространенное предложение. Вторая строка также—простое распространенное предложение, находящееся в сопоставительном отношении⁹ с первым. Эти два предложения лексически наполнены антонимами. В первом *saṃyāpāgām* «занятую»—антоним *nirvinodām* (*sa* и *nir* антонимы, *vyāpāgām*—«занятие» и *vinodām*—«забава, развлечение»—контекстуальные синонимы). Антонимами являются также *ahani* «днем» и *ratrau* «ночью». Приблизительными (контекстуальными) антонимами можно назвать сказуемые *patathā pīdayet* «не так будет мучить» и *gugutaraśuṣaṃ* [представляю] «особенно несчастной». Второе двустипие представляет собой простое предложение, распространенное за счет определений к дополнению и подлежащему, а также инфинитивного оборота цели. Это предложение находится со вторым в отношении вывода. Формула строфы [1] + [1] + [2].

б) Строфы, состоящие из двух предложений, связанных отношением обоснования-пояснения

Строфа может состоять из сложносочиненного предложения, вторая часть которого поясняет мотив совершения действия первого и соединяется с первой каузальной частицей *hi* или без нее. Например, № 43.

tatra skandaṃ niyatavasatiṃ puṣpameghīkṛtātma
puṣpāśāraiḥ śnapayatu bhavān vyomaṅgaṅgalārdraiḥ
rakṣāhetor navaśāśībhṛtā vāsavināṃ camūnām
atyadityaṃ hutavahamukhe sambhṛtam tad dhi tejaḥ (43)

Ты превратившись в цветочное облако, искупай цветочным ливнем, мокрым от воды небесной Ганги, Сканду, у которого там постоянное жилище; ведь (это) Шива—носитель молодой луны кинул свой жар, превосходящий солнце, в зев Агни ради спасения рати Индры.

Во второй части этого сложного предложения, занимающей второе двустипие, поясняется призыв якши к облаку, полить

мокрым цветочным ливнем Сканду. Для обоснования-пояснения доводами могут служить следующие обстоятельства: во-первых, Сканда родился потому, что, по предсказанию, только он мог победить демона Тараку, против которого был бессилен даже сам великий Индра, и так как облако *prakṛtipuruṣo maghonaḥ* «слуга Индры», то оно должно быть особенно заинтересовано в оказании Сканде услуги; с другой стороны, Сканда—сын Шивы, и это тоже аргумент для объяснения, почему Сканде нужно услужить; в-третьих, Сканда—*tejomāya* «очень горячий», что тоже можно считать одним из доводов. Но большую силу имеют, несомненно, первый и второй доводы.

Эта строфа будет иметь формулу: [2] + [2].

Строфа 34 состоит из двух самостоятельных предложений¹⁰ с бессоюзной связью, второе из которых поясняет действие предыдущего предложения.

№ 24 по двустилишам делится на два предложения, между которыми можно усмотреть пояснительную связь; второе предложение уточняет, конкретизирует содержание первого предложения.

Формула обеих строф: {2} + {2}.

В № 27 первое двустилишие представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным в первой строке. Второе же двустилишие—сложноподчиненное предложение с придаточным условным, причем придаточное занимает всю третью строку и часть четвертой строки, переступая вторую цезуру. Эти два предложения находятся в пояснительных отношениях друг к другу.

vakraḥ panthā yadapi bhavataḥ prasthitasyottarāśāṃ
saudhotsaṅgaprapaṇayavimukho mā sma bhūr ujjayinyāḥ
vidyuddāmasphuritacakitaḥ tatra pauraṅganānām
lōlāpāṅgair yadi na ramase locanair vaficito 'si (27)

Хотя для тебя, идущего в северную сторону, этот путь будет окольным, не уклонись от знакомства с крышами дворцов Удджайини. (Ибо) если (ты) не насладишься испуганными от вспышек молний глазами городских женщин, с мечущимися белками, то много потеряешь (будешь обманут).

Формула строфы: {[1] + [1]} + {[1,7] + [0,3]}.

В № 39 первое двуступище представляет собой сложносочиненное предложение вывода, причем вторая часть этого предложения начинается перед второй цезурой. Второе предложение, представляющее собой второе двуступище, можно считать простым распространенным предложением. Это второе предложение разъясняет, почему должно совершиться действие первого предложения.

Формула строфы: $\{[1,3] + [0,7]\} + \{2\}$.

В № 94 первое двуступище— сложноподчиненное предложение с придаточным условным в первой строке. Второе двуступище представляет собой второе предложение, являющееся простым распространенным предложением с абсолютным локативом. Второе предложение поясняет содержание первой части. Связь бессоюзная. Эти предложения можно назвать повелительно-пояснительными.

Формула строфы: $\{[1] + [1]\} + \{2\}$.

Из предложений с таким же пояснительным отношением состоит и № 22.

Формула строфы: $\{2\} + \{2\}$.

В № 104 первые три строки представляют собой сложноподчиненное предложение с относительным придаточным в первом двуступищи. В последней строке цитируется мысль героя—простое предложение, находящееся в присоединительно-пояснительном отношении к первому предложению.

Формула строфы: $\{[2] + [1]\} + \{1\}$.

в. Строфа—простое предложение с присоединительным причастным оборотом, имеющим пояснительный оттенок

Строфа 26

viśrāntaḥ san vraja vananadītīrajātāni siñcann
udyānānāṃ navajalakanaṃ yūthikājālakāni
gaṇḍasvedāpanayanaruḥkālāntakarnōtpalānāṃ
chāyādānāt kṣaṇaparicitaḥ puṣpalāvīmukhānāṃ (26)

Отдохнув, иди, окропляя каплями свежей воды почки садовых жасминов, рожденные на берегу Вананади, (заодно) познакомившись дарованием тени (даруя тень) на мгновение с лицами цветочниц, у которых увядшие лотосы в ушах—от вытирания пота со щек.

Здесь первое двуступище представляет собой простое предло-

жение с причастным оборотом, где причастие настоящего времени показывает действие, одновременное со сказуемым. Второе двуступище занимает развернутый за счет бахуврихального оборота, определяющего косвенное дополнение, причастный оборот. Этот причастный оборот эквивалентен присоединительному предложению, которое имеет также пояснительный оттенок: облако, познакомившись с лицами цветочниц, освежив их тенью, само же получит удовольствие, и путь, проходящий над рекой Вананади, делается особенно приятным, так что цветочницы служат для облака как бы приманкой. Таким образом, содержание второго двуступища имеет целью заинтересовать облако продолжить путь и полить дождем берега Вананади. Но оформляется оно как высказанное между прочим. Пояснительный оттенок простирается здесь смутно.

Формула строфы: (2) + (2).

г. Интерпретация

Излюбленными типами синтаксических отношений, которыми характеризуются строфы поэмы, для Калидасы являются отношения пояснения-обоснования и вывода. Частое употребление этих синтаксических отношений диктуется психологическим подтекстом поэмы. Герой поэмы, якша, постоянно стремится соблазнить облако прекрасными картинами природы или женщинами, чтобы побудить его двинуться в путешествие или совершить те или иные действия.

Этот же психологический подтекст проявляется и в большей части строф, рассмотренных в *а, б, в*, то есть в строфах: а) со сложносочиненными предложениями вывода или отдельными предложениями с отношением вывода между ними; б) также с их конверсией, т. е. со сложносочиненными предложениями с отношением обоснования-пояснения между частями или в строфах, где отдельные предложения находятся друг к другу в отношениях обоснования-пояснения. В строфах первого типа сначала описывается то, что должно соблазнить или заманить облако, или же дается утверждение, приписывающее облаку те или иные достоинства, а во второй части (или отдельном предложении) выводится, какое действие желательно, чтобы облако совершило, исходя из первого утверждения. Например, в № 40 якша сначала утверждает, что отражение облака, его образ получит до-

ступ в ясную воду реки Гамбхиры, в ее чистую душу, а затем, как вывод из этого, побуждает облако не быть равнодушным к ее влюбленным взорам, не обмануть ее ожиданий.

Аналогичную функцию выполняют и строфы второго типа; только порядок частей обратный: сначала дается побуждение к действию или описывается результат, а после уже излагается то, что должно стать основанием, побуждением к первому действию. Обычно облако побуждается совершить те или иные действия, связанные с каким-нибудь географическим пунктом, а во второй части дается обещание духовного или физического наслаждения или награды за совершенные действия, или же якша напоминает облаку об обязанностях, которые облако имеет в отношении данного объекта, то есть поясняется, ради чего облако должно совершить эти действия.

Так, например, якша призывает облако полить цветочным ливнем Сканду, одновременно обосновывая, почему так необходимо почтить Сканду (№ 43). Или якша призывает облако подождать до вечера, так как тогда, играя роль барабана во время вечернего жертвоприношения в честь Шивы, «получит полный плод низкочастотных раскатов» (№ 34). Надо помнить, что совершив угодные богам дела и войдя к ним в милость, почитающий накапливает риша «святость». Уже одно лицемерие святости приобщает к святости, а услуги главным богам—тем более.

Описания природы—не самоцель для поэта, они служат для выражения расы любви. Но как объяснить, что тоскующий по любимой якша, неотступно преследуемый мыслью о возлюбленной и о том, чтобы облако как можно скорее отнесло жене послание, так забывается, что тратит время на пространные, подробные описания полей, лесов, гор, рек, городов и селений? С одной стороны, это можно объяснить влюбленностью героя поэмы в родную природу, его богатым поэтическим воображением. С другой стороны, явственно проступает двойственность героя поэмы, когда на образ тоскующего влюбленного налагается и сложно переплетается с ним образ самого Калидасы. Это он восхищается красотами родной Индии, это его богатое воображение рисует мифический образ города Куберы, это именно по его желанию облако побуждается свернуть с прямого пути на север, чтобы познакомиться с крышами дворцов Удджайини и насладиться прелестью городских красавиц (и недаром исследователи считают

Вишалу родным городом Калидасы, или же местом где он долго жил); это он побуждает облако плыть в Махакалу—храм Шивы и оказать почести его любимому богу. Якша как истинный рассказчик вживается в путешествие и похождения облака и сопереживает ему. Но это отнюдь не значит, что можно допустить отождествление «якша—облако». Это бы противоречило основной художественной цели поэмы—проявлению расы любви в разлуке. Образы поэта и якши во многом общи, но целиком не покрывают друг друга. Это сам поэт, с одной стороны, отождествляется с якшей, а с другой—с облаком. Якша и облако—две противоположные и противопоставленные сути его природы. Якша верен своей любви, страдает в одиночестве, во всем ему мерещится образ любимой жены. Он рассказывает облаку о предстоящих последнему любовных наслаждениях в путешествии, вовсе не отождествляя себя с облаком, с его гедонистической природой. На фоне путешествия и походов свободного и всевольного облака еще больше оттеняются боль и одиночество якши, его зависимость от воли владыки. Образы якши и облака, противоположные, одновременно дополняют друг друга, сливаясь в образе поэта, по-разному и во всем богатстве нюансов проявляя две вариации расы любви—*sambhoga* (соединение) и *vipralambha* (разлука). Одно из них оттеняется другим, как игра света и тени, которыми так богата поэма. Одновременно Калидаса психологически мотивирует эти отклонения и описания природы, вложенные в уста своего героя. Эти описания мотивируются тем, что якша как бы старается соблазнить облако величественными картинами природы; они служат приманкой для облака, чтобы оно отправилось в путешествие, и именно по пути, описываемому якшей. Описание благоприятных сопутствующих обстоятельств, добрых знаков, обещание наслаждений и наград, которые облако получит от пребывания в той или иной местности—всем этим поэт психологически оправдывает «многословность» своего героя. Синтаксические отношения обоснования-пояснения и вывода особенно явно проявляют эту мотивацию.

2. 3. Строфы с сентенциями и строфы—размышления

- а. Строфы, состоящие из двух предложений, связанных отношением обобщающего обоснования

В это подразделение входят строфы с обобщающими отступлениями, в большинстве случаев превращающимися в афоризмы. Это—вводные размышления, приостанавливающие на мгновение действие поэмы, лирические, морализующие, философские отступления.

Строфа может состоять из сложноподчиненного предложения, вторая часть которого указывает на основание и соединяется с первой в большинстве случаев частицей *hi*.

Возьмем, к примеру, № 10.

tām cāvaśyam divasagaṇanātatarām ekapatnīm
avyāraṇnām avihataḡatir drakṣyasi bhrātṛjāyām
āśābandhaḡ kusamasadṛśam prāyaśo hy aṅganānām
sadyaḡpāti praṇayi hṛdayam viprayoge ruṇaddhi (10)

И ты, не знающий задержки, увидишь верную жену брата своего (все еще) живую, внимательно следящую за счетом дней: ведь нить надежды обычно поддерживает в разлуке любящее сердце женщин, нежное, как цветок, и (каждую минуту) готовое разбиться.

К первой части сложносочиненного предложения примыкает вторая часть, занимающая второе двуступное, обосновывающее утверждение первой части и соединяющееся частицей *hi*. Здесь это обосновывающее предложение вырастает в меткую афористическую сентенцию. Сентенция как бы переставляет акценты, и в первой части смысловое ударение падает на причастное определение *avyāraṇnām* «все еще живую» к дополнению *bhrātṛjāyām* «жену брата», а также на определение *divasagaṇanātatarām* «поглощенную счетом дней». Именно эти определения несут на себе смысловые ударения и обосновываются афоризмом во втором двуступии. Эти определения можно было бы назвать ключевыми для данного предложения словами. Формула строфы: [2] + [2].

Синтаксическое членение строфы может быть и иным. Так, № 97 имеет формулу [2,5] + [1,5].

śroṣyaty asmāt param avahitā saumya sīmantiṇinām
kāntodantaḡ suhṛdapanataḡ saṅgamāt kiṃcid ūnaḡ (97)

...после этого будет внимательно слушать, о милый друг,

(ведь) для женщины весть от мужа, принесенная другом, немногим меньше встречи.

Первая часть сложносочиненного предложения заканчивается у второй цезуры 3-й строки, затем следует 2-я часть—афористическая сентенция, обосновывающая первую и особенно акцентирующая причастное определение *avahitā* «внимательная». Афористическая сентенция имеет протяженность не в одну или две строки, как обычно, а начинается после цезуры 3-й строки.

Синтаксическое членение строф с обоснованием во второй части может проходить также по формуле [3] + [1]. Так, в строфе 28 три строки занимает первая часть сложного предложения, развернутая за счет бахуврихиального¹¹ и причастного оборотов, а 4-я строка—афористическая сентенция с частицей *hi*.

Сентенция обосновывает первую часть и особенно подчеркивает эпитеты реки Нирвиндхы *darśitāvarṭtanābheḥ* «чей пуповодоворот обнажен», определительное причастие с обстоятельством образа действия *samsarpantyāḥ skhalitasubhagaṃ* «красиво спотыкаясь, плавно текущая», а также именной части сказуемого *bhava rasābhyanṭaraḥ* «погрузись в лоно вод (наслаждения)». Точно так же строятся и № 38, 90. В № 38 афористическая сентенция соединяется с предыдущим высказыванием частицей *khalu*, а в 90-й бессоюзная связь. Между частями также отношение обоснования. В № 41 обобщающий вывод, выраженный риторическим вопросом, не вырастает в афоризм, это просто лирическая сентенция. Особенность афористических сентенций в том, что они могут употребляться в отрыве от породившего их текста. В № 98 поучающий и обобщающий вывод, комментирующий и обосновывающий содержание первой части, не может употребляться в отрыве от текста, ибо указательное местоимение *etai* в сочетании с усилительной частицей *eva* «именно это» замещает содержание слов, которые якша вкладывает в уста облака:

*brūyā evaṃ tava saha-caro rāmagiryaśramasthaḥ
avyāpannaḥ kuśalam abale prcchati tvāṃ viyuktaḥ
pūrvāśasyaṃ sulabhavīpadāṃ prāṇīnām etad eva (98)*

...скажи так: «Твой друг, пребывающий в ашраме на Рамагире, жив, о женщина, и разлученный, спрашивает о твоём

здоровье (шлет привет); существам, которые так хрупки, именно это нужно говорить в первую очередь.

В двух случаях (в № 53 и 54) первые 3 строки с условным придаточным в первом двустиии, а в № 54 с определительным придаточным. В № 6 первые 3 строки составляет сложноподчиненное предложение вывода, а 4-я строка—афористическая сентенция—с антитезой, обосновывающая первую часть.

Формула строф 53, 54, 6: $[2] + [1] + [1]$.

Возьмем № 106. Здесь первое двустиие представляет собой сложносочиненное предложение вывода, второе двустиие—философское отступление, обосновывающее содержание предыдущего предложения. Эта сентенция состоит из обосновывающего и обобщающего риторического вопроса, четвертую же строку занимает еще более абстрактное обобщение-сравнение, где образ сравнения дан в инструментальном падеже.

Формула строфы: $\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$.

В № 8 первое двустиие составляет простое распространенное предложение. Второе двустиие занимает обобщающее отступление, обосновывающее содержание первого двустиия.

Отступление состоит из риторического вопроса и присоединяющегося к нему сложноподчиненного предложения, обосновывающего риторический вопрос. Риторический вопрос особенно подчеркивает словосочетание *pratyayād āśvasantyāḥ* «утешенные надеждой», определяющее подлежащее *pathikavanitāḥ* «жены странствующих», изрекая общее правило. Вторая часть обосновывающего предложения, являющаяся утверждением об исключительности данного случая, еще более усиливает акценты на этом словосочетании. Таким образом, обобщающее отступление подчеркивает сказуемое (как в № 106 *mā gamaḥ kātaraṭvaṃ* «не впадай в отчаянье») или причастное и другое определение к ключевому существительному (№ 8).

Формула строфы 8: $\{2\} + \{[1] + [0,5] + [0,5]\}$.

В № 17 первое двустиие является простым распространенным предложением. Второе двустиие—афористическая сентенция, обосновывающая утверждение первого двустиия, объясняющая мотивы поведения Амракуты и усиливающая категоричность уверенности в совершении действия, названного в первом

предложении. Афоризм состоит из двух неравных частей: утверждающей части, занимающей 3-ю и 4-ю строки до второй цезуры, и идиоматического выражения, представляющего свернутое вопросительное предложение, занимающее остальную часть 4-й и находящееся в сопоставительном отношении с первой частью.

Формула строфы: $\{2\} + \{[1,5] + [0,5]\}$.

Из аналогичных частей состоит и № 3. Здесь первое двустиие является простым распространенным предложением с деепричастным оборотом. Второе двустиие состоит из обобщающей афористической сентенции, обосновывающей утверждение первого двустиия, усиливающей впечатление от обстоятельства причины *ketakādhānahoḥ* «из-за расцветших кетак» и бахуврихи *antarbāṣṛaḥ* «сдерживающий слезы» (дословно: «у которого внутри слезы»). Сама сентенция тоже состоит из двух частей: утвердительной части и идиоматического выражения, находящегося в отношении сопоставления с первой частью.

Формула строфы: $\{2\} + \{[1] + [1]\}$.

№ 110 имеет более сложную структуру. Первую строку составляет вопрос-утверждение, к нему во второй строке присоединяется отрицательное предложение, являющееся реакцией на молчание облака после вопроса. Якша задает вопрос-утверждение, но, не получив ответа от облака, как бы истолковывает его молчание. 3-е предложение, занимающее 3-ю строку, обосновывает, подкрепляет предыдущее утверждение, а в 4-ой строке следует афористическая сентенция, обобщающая и обосновывающая все предыдущее высказывание.

Формулу строфы можно представить так: $\{1\} + \{1\} + \{[1] + [1]\}$ или $\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$.

б. Строфы, состоящие из двух самостоятельных предложений, связанных присоединительным отношением.

Два отдельных предложения, входящие в состав строфы, могут присоединяться друг к другу. Эти предложения могут быть простыми или сложными. «Присоединением называется такая связь двух предложений в составе сложного, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него» [13, ч. 2, с. 257].

Отдельную подгруппу среди таких строф образуют строфы

с афористической сентенцией или просто обобщающим отступлением.

Вот, к примеру, № 20.

tasyās tiktair vanagajamadair vāsitaṃ vāntavṛṣṭir
jambūkuñjapratihatarayaṃ toyam ādāya gaccheḥ
antaḥsāraṃ ghana tulayitum nānilaḥ śakṣyati tvāṃ
riktaḥ sarvo bhavati hi laghuḥ pūrṇatā gauravāya (20)

Иди, изрыгнув ливень, взяв ее (реки Ревы) воду, чей бег задерживается кущами роз (и) у которой запах пряной течки диких слонов. Полного тебя не сможет поднять ветерок, ведь только пустой (ничтожный) бывает легким, а полнота (влет) к тяжести (достоинству).

Первое двуступище представляет собой простое, развернутое за счет причастного и бахуврихального оборотов к дополнению toyam «воду» побудительное предложение с деепричастным оборотом. Второе предложение состоит в первой части из добавочного замечания в 3-й строке и затем в 4-й афористической сентенции, обосновывающей содержание первой части. Второе предложение является как бы дополнительным замечанием по поводу сказанного в первом предложении и присоединяется к первому предложению без союза.

Формула строфы: {2} + {[1] + [1]}.

В № 77 первое двуступище представляет собой простое развернутое предложение с деепричастным оборотом во второй строке. Второе двуступище занимает сложное предложение с обосновывающей афористической сентенцией во второй части, занимающей 4-ю строку. Второе предложение присоединяется к первому как добавочное замечание по поводу сказанного в первом предложении.

Формула строфы та же самая.

В № 102 первые 3 строки занимает сложноподчиненное предложение с придаточным времени с союзом yā vat-lāvat «как только—тотчас». 4-ая же строка—обобщающий вывод с анафорическим элементом tasmin «в нем», вмещающим значение невыраженного слова citra «картина». Этот вывод имеет значение комментирующего, оценивающего сообщения.

Присоединяется к первому предложению без союза. Формула строфы: {[2] + [1]} + {1}.

В № 109. первое двустишие—побудительное предложение, призывающее пребывать в определенном состоянии: «*mā...mauу aviśvāsini bhūḥ* «не будь недоверчивой ко мне». К ней присоединяется предложение в третьей строке, переступающее вторую цезуру (*snehān āhuḥ kīmapī virahe hrāsinaś*), раскрывающее содержание слова *kaulīnād* и затем идет противительное предложение, обосновывающее отрицание содержания второго предложения.

Формула строфы: $\{2\} + \{[0,7] + [1,3]\}$.

в. Строфы, состоящие из двух самостоятельных предложений, связанных противительным отношением

Строфа 5 состоит из двух самостоятельных предложений, находящихся друг к другу в противительном отношении. Первое двустишие—это идиоматическое выражение с повторяющимися вопросительными наречиями *kva...kva*, выражающими несовместимость двух предметов. Второе предложение находится с первым в противительном отношении.

Частица *itī* завершает цитату о несовместимости: 4-й стих представляет собой афористическую сентенцию, обосновывающую содержание первой, отрицательной части второго предложения.

Формула строфы: $\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$.

г. Строфы, состоящие из трех самостоятельных предложений с разнообразными синтаксическими отношениями

*jāne sakhyās tava mayi manaḥ sambhṛtaśneham asmād
itthambhūtaṁ prathamavirahe tām ahaṁ tarkayāmi
vācāṁ māṁ na khalu subhagaṁ manyabhāvaḥ karoti
pratyakṣaṁ te nikhilam aciraḥ bhrātaṁ uktam mayā yat* (91)

Знаю, сердце твоей подруги исполнено любви ко мне, поэтому представляю ее такой в первой разлуке. Конечно, не воображение, что меня любят, делает меня болтливым. Все, что мной сказано, скоро, о брат, станет тебе очевидным.

Первое двустишие этой строфы—предложение вывода. К нему присоединяется 3-я строка—простое предложение, подтверждающее сказанное выше. 4-я строка анафорическим скрепом *nikhilam* «все» соединяется с 3-й, комментируя, оценивая предыдущие предложения. Эта строка представляет собой сложнопод-

чиненное предложение с придаточным относительным во второй части. Формула строфы: $\{[1] + [1]\} + \{1\} + \{[0,5] + [0,5]\}$.

№ 105.

Первая и вторая строки составляют два восклицательно-вопросительных предложения с глаголами в форме оптатива, соответствующего, в частности, сослагательному наклонению. Второе двустигшие—простое распространенное предложение, которое присоединяется к предыдущим предложениям асиндетоном. Это предложение содержит анафорический скреп *itthāṃ*, относится к части сложного слова—прилагательному *durlabha*—невыполнимый, недоступный, *itthāṃ* выражает сравнение содержания первых двух предложений с третьим.

Формула строфы: $\{1\} + \{1\} + \{2\}$.

д. Интерпретация

В особую разновидность можно выделить большое количество строф с разнообразными синтаксическими отношениями, общий признак которых—отступления во второй части строфы от нити повествования в виде обобщающего вывода-отступления, которое часто вырастает в афоризм. Эти отступления являются как бы вводными в нити повествования, они на мгновение останавливают действие, чтобы выразить морализующие или философские обобщения, прокомментировать предыдущую мысль или полнее раскрыть эмоциональное состояние героя. Здесь конец строфы—последняя строка или последнее двустигшие—несут наибольшую нагрузку, и можно сказать, что строфа преследует цель выразить именно в последней своей части эмоционально или философски насыщенную мысль-отступление. Первая часть строфы, несущая на себе сюжетный костяк, является как бы толчком для размышления, выраженного во второй части. Обычно это размышление—сентенция как бы расставляет смысловые акценты в первой части, высвечивая и выделяя в повествовании какое-нибудь определение (или группу определений) или же сказуемое.

Строфы с обобщающими сентенциями или просто отступлениями могут иметь простую структуру, когда отступление представляет собой обосновывающую часть сложного предложения (в строфах 6, 10, 28, 38, 41, 53, 54, 90, 97, 98) или же отдельное предложение, связывающееся с первым отношением обоснования (3, 8, 17, 106, 109, 110).

Обобщающие отступления во второй группе строф состоят из двух частей, которые могут находиться в разнообразных отношениях. Первая часть обосновывает высказывание первого двустушия и является общеизвестной истиной (8, 109), частным проявлением общего правила (106, 110). Она может выражаться риторическим вопросом (8, 106). Затем следует вторая часть — зерно высказывания, обосновывающая утверждение первой части, делая одновременно более широкое обобщение (109, 110, 106) или же сужая его (8). В строфах 3 и 17 первой, обосновывающей и утвердительной части, сопутствует вторая в форме вопроса-идиомы. Обычно первая часть обобщения является опорной для построения сентенции. Кроме отношения обоснования опорная часть может связываться с первым двустушием присоединительным отношением. К сюжетной части присоединяется утверждение, связанное с нею по смыслу, и это утверждение дает толчок для обобщения-обоснования (часто афористического). Таковы строфы 20, 77, 102. Опорное предложение может находиться, с предыдущим высказыванием в противительном отношении, как в строфе 5. Тут нужно оговориться, что строфа 5 — одна из тех строф в поэме, которые целиком (или почти целиком) являются отступлением от нити повествования, философским или лирическим размышлением поэта или героя.

Такие вводные строфы характеризуются краткостью предложений, отрывчатостью, бессоюзной связью частей, между которыми противительные, сопоставительные отношения, отношения обоснования. Часто употребляются вопросительные предложения. В описании путешествия такие строфы-размышления отсутствуют; они встречаются в первом (вступительном) отрывке поэмы (строфа 5), затем в отрывке с описанием жены (строфа 91). Эта строфа содержит рассуждения якиши о верности супруги. Затем несколько таких строф встречаются в последнем отрывке поэмы, где впервые прямо, не завуалированно герой поэмы выражает свои чувства любви и тоски. Здесь описательность, характерная для предыдущих отрывков, частично уступает место лирическим размышлениям, еще более усиливается выражение субъективной модальности, и некоторые строфы целиком становятся прямыми выразителями чувств героя: Такими можно считать строфы 105, 106, 109, 110. При этом только строфы 91 и 105 не имеют в кон-

ие сентенции; в остальных частные рассуждения затем обобщаются, переходя в афоризм.

Эти афористические сентенции выполняют разнообразные и очень важные функции. В первом разделе поэмы, например есть афористические сентенции, при помощи которых поэт диктует условия поэмы. Например, в строфе 3 сентенция разъясняет одно из важнейших условий; с прибытием облаков все влюбленные, и особенно те, которые находятся в разлуке, приходят в смятение и возбуждение. Здесь особенно важны два момента: 1) с наступлением сезона дождей, наступает пора любви, и поэтому именно в это время разлука особенно тяжела; 2) якша должен быть очень взволнован и расстроен.

Следующий афоризм в № 5 излагает читателю исходную посылку. Это оправдание олицетворения—основного художественного приема, можно сказать поэтического стержня произведения (см. последнюю строку).

Олицетворение облака, гор, рек, всей природы, которое так нужно поэту для достижения поставленных перед ним художественных задач, оправдывается этим кратким, но очень емким афоризмом, с одной стороны, подчеркивающим степень любви и взволнованности якши, а с другой, диктующим читателю «правила игры».

Важную роль играет и афоризм в № 10. Якша уверен в том, что жена его жива, эту уверенность он хочет передать и облаку, чтобы убедить его, что путешествие не будет напрасным, жена его жива и ждет его. И обосновывает свою уверенность афоризмом.

Большая группа афоризмов содержит тот же психологический подтекст, что и сравнение облака с высшими эталонами (богами Вишну, Шивой и т. д.)—то есть афоризмы выполняют не только функцию украшения речи героя емким, метким, глубокомысленным изречением: якша стремится польстить облаку, угодить ему, и поэтому намекает на те или иные его достоинства.

Такими в той или иной степени являются и сентенции в строфах 6, 20, 38, 54, 90, 110.

Другая группа афористических сентенций имеет ту же функцию, что и синтаксические конструкции с пояснительными отношениями и отношениями вывода, то есть они содержат психологический подтекст—соблазнить облако, сделать его заинтересо-

ванным в совершении путешествия. Например, афоризм в № 17 выражает чувство дружеской любви и одновременно служит обоснованием утверждения якиши, что гора Амракута обязательно поддержит его: *mūrdhnā vakṣyaṭi* «будет нести на голове (и в прямом, и в переносном смысле)»; благодаря ей усталость в дороге пройдет. Этим самым якша как бы уговаривает облако двинуться в путь, заверяя, что ему будет где отдохнуть и получить дружескую услугу.

Афоризм в № 109 излагает одно из важнейших положений, являющихся основой поэмы: «любовь в разлуке не угасает, а усиливается». И, наконец, афоризм в 106 тоже выражает один из ключевых моментов в поэме—надежду якиши, что все невзгоды и страдания пройдут и верные друг другу возлюбленные снова встретятся. И хотя облако молчит и не откликается, и мы знаем, что оно никогда не сможет стать вестником для жены якиши, все же афоризм вселяет надежду, что все окончится благополучно. Для Калидасы важно показать чувства влюбленных в разлуке, его не в столь большой мере интересует их судьба, и все же он не имеет и не мог иметь намерение свести все к смерти в разлуке, хотя такое толкование тоже допустимо.

2. 4. Строфы психологической настройки

а. Строфы с отношением соединительного перечисления между предложениями

Соединительное перечисление основано на объединении нескольких явлений как сосуществующих в одном и том же модальном плане [14, с. 657—660]. Примером строфы со сложносочиненным предложением с отношением соединительного перечисления между частями является строфа 9.

*mandam mandam nudati pavanaś canukūlo yathā tvam
vāmaś cāyam nadati madhuraṁ cātakas te sagandhaḥ
garbhādhānakṣanapāricayān nūnam ābaddhamalāḥ
seviṣyante nayanasubhagaṁ khe bhavantaṁ balakāḥ* (9)

Медленно-медленно понесет тебя попутный ветер, как тебе угодно; и слева чатака, родственная тебе, будет петь благозвучно, (а) журавли, построившись вереницей. потому что снова предвкушают миг зачатия, проводят в небе тебя, приятного для глаз.

Эта строфа состоит из трех простых предложений, объединенных общностью временного значения. Первые два предложения соединены повторной частицей са... са «и.. и», и каждое из них занимает одну строку. Третье предложение с бессоюзной связью замыкает ряд соединительного перечисления. Первые два предложения почти полностью аналогичны по своему построению. Аналогия подчеркивается и повторным союзом са... са, и однотипными обстоятельствами образа действия (*mandam-madam* — в первой строке и *madhugam* — во второй строке), и расположением сказуемого перед подлежащим в обоих предложениях, и паронимностью сказуемых (*padati-padati*), которые выражены презенсом ближайшего будущего, и определениями *anukūlaḥ* и *sagandhaḥ*. Аналогичность построения вместе с аллитерацией носовых и губных создает песенность и монотонность. Третье же предложение, замыкающее ряд соединительного перечисления, имеет по сравнению с первыми двумя синтаксически далеко не равноценные размеры (оно занимает 2 строки, причем первая строка составляет обстоятельство причины для глагола *seviṣyante* и *бахуврихи* к подлежащему *balākāḥ*).

Асимметричность подчеркивается и бессоюзной связью; выделяя последнюю часть, она отмечает присоединяемый компонент как в каком-то отношении несходный с предшествующими. Асимметрия усиливается и тем, что сказуемое здесь выражено простым будущим (*seviṣyante*); хотя и простое будущее, и презенс в данном контексте выражают ближайшее будущее, но морфологически по-разному выраженные они служат тонкому стилистическому различию. То же самое можно сказать и о местоимениях второго лица *tvad* и *bhavat*. В первых двух предложениях употребляется *tvad*, а в третьем — *bhavat*. Хотя они в обоих случаях относятся к облаку, это различие усиливает асимметричность.

Формула данной строфы: [1] + [1] + [2].

В № 13 первое двуступище составляет сложносочиненное предложение следования: здесь сообщается о таком отрезке действительности, который складывается из непосредственно следующих друг за другом действий одного и того же (в данном предложении) субъекта. Второе двуступище состоит из двух частей, находящихся друг к другу опять-таки в отношении соединительного перечисления. Второе двуступище имеет в отношении первого от-

тенок дополнительного сообщения и присоединяется без союза. Действия располагаются в градации, во временных границах будущего. В первой строке сказуемое выражено императивом, показывающим действие, которое желательно, чтобы произошло непосредственно после сказанного ($\xi\pi\iota$ —*послушай*), затем во второй строке выражено глаголом в простом будущем, описывающим действие, которое должно произойти непосредственно после первого действия ($\xi\sigma\sigma\upsilon\sigma\iota$), а затем идет глагол в описательном будущем, показывающий действие, реализующееся в более отдаленном будущем ($gan\tilde{\iota}\sigma\iota$). Эта градация времен подчеркивается также словами—*tāvat* «сначала», *tadāpi* «затем, после чего». Эта строфа—как бы набросок плана всего дальнейшего развития поэмы.

Формула строфы: $\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$.

В № 56 первую и вторую строки заполняют простые распространенные предложения, связанные оттенком соединительного перечисления. Второе двустипное занимает сложноподчиненное предложение с придаточным условным в 3-й строке. Это сложное предложение замыкает ряд соединительного перечисления, нарушая однотипность предложений. Сказуемые первых двух предложений выражены настоящим временем, значение которых можно трактовать двояко: или в значении ближайшего будущего, или скорее, как постоянно совершающееся настоящее. Сказуемое третьего предложения выражено именем действия в значении ближайшего будущего.

Формула строфы $\{1\} + \{1\} + \{[1] + [1]\}$.

6. Интерпретация

В № 9, 13 имеем несколько следующих друг за другом действий одного и того же или разных субъектов, а в № 56 предикативные части объединены общностью временного значения. В строфе 9 описываются благоприятные для путешествия облака сопутствующие обстоятельства. Это еще не описание пути. В воображении якиши облако еще не двинулось с места. Это—задабривание облака путем описания благоприятных сопутствующих обстоятельств и той реакции, которая будет ответом природы на действия, произведенные облаком. Убаюкивающая песенность строфы, ее внутренний ритм служат именно упрощению и задабриванию облака, внушению ему благодушного настроения.

В № 13 набрасывается план путешествия. И опять песенность, синтаксическая симметрия в построении строф способствуют уговариванию, задабриванию облака. В № 56 с помощью такой синтаксической конструкции дается описание концерта для Шивы, причем момент задабривания опять-таки присутствует.

3. Единичные синтаксические и коммуникативные типы, строфы — одиночки

9 строф (37, 60, 61, 74, 75, 99, 101, 107, 108) составляют единичные синтаксические и коммуникативные типы и не входят ни в какую из выше рассмотренных групп.

Формулы синтаксической структуры этих строф отражены в прилагаемых таблицах.

Б. СТРОФЫ РАЗОМКНУТОЙ И ОТКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

В «Мегхадуте» встречаются строфы, где предложение продолжается и после окончания метрического периода. Профессор Г. Винокур для учета соотношений между метрическими и синтаксическими периодами в «Евгении Онегине» [8, с. 184], различает 3 типа построений:

1) Метрические границы раздела полностью совпадают с синтаксическим членением речи, например:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал.
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал (2, IV).

2) Предложение продолжается и после метрического периода, но связь частей предложения, разделенных метрической границей, не является принудительной. Речь идет о таких предложениях, которые могли бы быть закончены вместе с метрическим периодом, но имеют дополнительные части, синтаксически легко отделяющиеся, например, обособления, самостоятельные части слитного сложного предложения и т. п. Например:

Латынь из моды вышла ныне:
Так если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,

и так далее. I, IV.

«Здесь в конце четвертого стиха предложение могло бы быть окончанным, То обстоятельство, что фактически предложение продолжается посредством добавления расчлененных однородных членов и далее (стихи 7—8) вступает в сочинительную связь с другим предложением, не создает никакого противоречия между метром и синтаксисом. Но сама метрическая граница теряет свой замкнутый характер, становится как бы открытым звеном цепи, к которому могут быть присоединены другие самостоятельные звенья.

3) Предложение не кончается и синтаксически не может быть окончено вместе с границей метрического периода, потому что принудительно требует продолжения. Здесь возможны различные частные случаи...» [8, с. 184—185].

К числу таких случаев наряду с примерами переноса Г. Винокур относит и такие случаи, где никакого переноса, как специфического явления стихосложения, не существует, но тем не менее, принудительно связанные между собой члены предложения оказываются в разных разделах строфы. «Это случается там, где соответствующие синтаксические единицы раздвигаются вставными обособлениями, анафорическими репризами и пр., например:

В те дни, когда в садах Лицей
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне (8,1).

Замкнутость метрического периода даже поддержана здесь анафорой «в те дни» в пятом стихе, но предложение принудительно требует продолжения и заканчивается только на 8-м стихе [8, с. 185—186].

Б. В. Томашевский соответственно называет такие структуры 1) замкнутыми, 2) открытыми, 3) разомкнутыми [44, с. 123].

До сих пор, анализируя синтаксическую структуру строфы в «Мегхадуте», мы рассматривали лишь замкнутые строфы, которые преобладают в поэме. Но наряду с ними в поэме встречаются

ся также строфы открытой и разомкнутой структуры.

Следует отметить, что оба исследователя словом «конструкция» именуют строфу, имеющую замкнутую, открытую или разомкнутую структуру, а не все предложение, состоящее из двух или более строф. При чем Г. О. Винокур прослеживает только поступательное движение строфы. То есть, говоря, например, что строфа представляет собой разомкнутую конструкцию, он подразумевает, что конец строфы являет собой разомкнутый тип. Б. В. Томашевский рассматривает не только поступательное движение строфы, но и движение в обратном направлении, т. е. разомкнутой конструкцией называет и строфу, начало которой представляет собой разомкнутый тип, хотя концовка может быть замкнутой. Например:

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
{ Мне приходили на язык,
От конх я теперь отвык.

По Б. В. Томашевскому, последнее, отделенное скобкой двустопное онегинской строфы, являет собой разомкнутую конструкцию.

Мы же вводим новый термин—разомкнутый/открытый период, имея в виду группу строф, первая строфа которой при поступательном движении представляет собой разомкнутую/открытую конструкцию и таким образом определяет весь синтаксический облик периода. (Слово «период» употребляется здесь несколько условно, ибо есть группы строф, которые в буквальном смысле периода не образуют. См., например, строфы 32—33). Таким образом, в нашей работе фигурируют следующие понятия: строфа—разомкнутая/открытая конструкция (или обладающая разомкнутой/открытой структурой) при поступательном движении; строфа—разомкнутая/открытая конструкция при обратном движении; разомкнутый/открытый период.

Эти строфы по выполняемой ими коммуникативной функции можно было бы причислить к разновидностям строф с характеристикой ключевого слова или строф движения и т. д. Тем не менее, имея в виду их синтаксическое отличие от анализируван-

ных выше строф, мы нашли целесообразным рассмотреть их отдельно.

1. Разомкнутые периоды

Строфы 32—33 являются примером разомкнутого периода, представляющего собой распространенное предложение с развернутым деепричастным оборотом (32) и группой сказуемого (33). № 32—разомкнутая конструкция при поступательном движении, а строфа 33 может считаться открытой при обратном движении, т. е. начало ее представляет собой открытый тип. В данном случае такая структура объясняется композиционным ритмом; растяжение предложения на две строфы как бы завершает цикл строф с краткими деепричастными (или причастными) оборотами, параллельных по своему строению. Это явление мы подробно рассмотрим, когда будем говорить о синтаксическом строе поэмы. Эти две строфы по своему характеру принадлежат к строфам, описанным в § 2.1, то есть, к строфам, условно названным строфами движения.

Формула строф: (4) + (4).

Разомкнутый период представляют строфы 79—80. № 79 составляет развернутое за счет определений к подлежащему препозитивное придаточное предложение, в котором подлежащее, выраженное относительным местоимением уā «которая», имеет в главном коррелят в виде местоимения ſāth «ее». Главное предложение, составляющее строфу 80, развернуто за счет определений к прямому дополнению. Общее между 32-й и 79-й строфами то, что они синтаксически зависимы от следующей строфы и принудительно требуют продолжения. Предложения, начавшиеся ими, заканчиваются только в конце следующей строфы. Таким образом, 79-я строфа представляет разомкнутую конструкцию при поступательном движении, а 80-ю строфу можно считать открытым типом при обратном движении. Период, который они образуют, входит в разновидность так называемых строф с характеристикой ключевого слова, рассмотренных в разделе 3.

79-й строфой начинается раздел, в котором описывается жена якши (79—94). И так как предмет описания (жена)—один и тот же, поэт в этом разделе часто прибегает к строфам разомкнутым или открытым конструкциям. В частности, в № 79—80 дается как бы противопоставление внешности жены, какой видел ее

якша до своей ссылки (это описание дается в № 79—препозитивном придаточном предложении), и тех изменений, которым она подверглась в разлуке (в № 80, в главном предложении). При этом изменения описываются двумя емкими сравнениями, образы которых—символы состояния разлуки (тоскующая по другой птица чакравака и лотос, тронутый морозом). В следующих строфах поэт подробно раскроет состояние жены; здесь же даются только общие черты, обобщенное описание ее состояния в разлуке.

Формула строфы: {[4] + [4]}.

2. Открытые периоды

Открытые периоды представляют собой открытые ряды, состоящие из двух, трех или более частей, количество которых потенциально всегда может быть увеличено. Первая, начальная строфа такого периода имеет видимость законченного предложения (как, например, № 30 или № 63, представляющие собой соответственно простое распространенное предложение со сравнительным оборотом и сложноподчиненное предложение с придаточным относительным). Но далее относительным местоимением или наречием следующая строфа связывается с ней, превращаясь в придаточное относительное. Так, № 31 соединяется с 30-й, а к 63-й строфе последовательно присоединяются еще 8 строф, образуя сложный период. Связь отдельных строф не принудительная; период может обрываться на любой строфе. В сущности, эти 8 строф, как и № 31, представляют присоединительные придаточные предложения, которые не имеют коррелятов в главном и не влияют на ритмико-интонационные свойства главного предложения. Первая строфа такого периода имеет открытую структуру при поступательном движении, остальные присоединяющиеся строфы можно считать открытыми при поступательном и разомкнутыми при обратном движении.

Любопытно, что 30—31-е строфы—единственный пример употребления открытых конструкций в разделе описания путешествия облака, и в таких строфах дается описание Удджайини, города, в который облако сворачивает с прямого пути на север. До этого описанию различных пунктов назначения уделялась одна, самое большее, полторы строфы. Удджайини же сначала описывается в 27-й строфе; якша еще только предполагает в своем

воображении, что облако должно посетить этот город, иначе многое потеряет. Затем по дороге в Удджайини описываются реки Нирвиндхья и Синдху, и, наконец, в 30—31-х строфах дается развернутое описание Удджайини. Описание Удджайини продолжается и в 32-й строфе—разомкнутой конструкции, и только в 33-й облако покидает Вишалу, чтобы следовать к храму Шивы. Таким образом, городу, который находится в стороне от дороги облака и в который облако должно свернуть лишь для собственного удовольствия (якша сам никак не может быть заинтересован в том, чтобы облако увидело Вишалу), посвящаются 4 строфы. Не случайно исследователи обратили внимание на это обстоятельство и считают Удджайини родным городом Калидасы, или городом, где он долго жил [61, с. 22]. Не случайно также открытый период употребляется далее только в описании Алаки, родного города якши, куда устремлены все его мысли и чаяния и который поэтом описывается наиболее пространно.

Эти строфы относятся к разряду чисто описательных.

Формулы их:

30—31—{[4] + [4]}

63—71—{[2] + [2] + [4] + [4] + [4] + [4] + [4] + [4] + [4] + [4]}.

Своеобразную структуру имеет период из строф 85—89. Первая строфа состоит из двух предложений, находящихся в отношении сопоставления друг к другу. Прямым дополнением для сказуемого второго предложения *raṣya* «посмотри» является слово *sādhvīm* «верную жену». Затем в № 86, 87, 88, 89 следуют однородные определения (выраженные посредством бахуврихи или причастий) к дополнению *sādhvīm*, находящемуся в 85-й строфе. Глагол, управляющий дополнениями, находится в № 85, в остальных он мысленно восстанавливается. Таким образом, мы имеем состоящий из пяти строф период, развернутый за счет однородных определений к дополнению находящемуся в 85-й строфе. Эти однородные определения выражены бахуврихи и причастиями. Каждая такая строфа при помощи определений описывает те или иные состояния или действия жены в разлуке. Но несмотря на формальную неполноту и связанность с № 85, строфы эти—вполне самостоятельные единицы, которые осознаются нами как отдельные целые.

Например, в № 86, причастие в аккумулятиве *yāraṇtīm* «проводящую» имеет дополнение (слово *ratrī* «ночь»), которое опре-

деляется относительным придаточным предложением. Так же в строфе 88 прямое дополнение к причастию *saṅayanīṃ* «отбрасывающую», которое выражено указательным местоимением (вместо слова *śikhā* — коса), определяется относительным придаточным предложением в первой строке. Такая строфа может осложниться сравнительным оборотом, как строфа 89. В ряд однородных определений в аккузативе в строфе 87 вкрапливаются предполагаемые мысли жены якши: *matsamyogaḥ katham upapameṭ svarpaḥ* 'rīti «как получить со мной свидание хотя бы во сне», изъясняющие один из определительных причастных оборотов *nidṛṅṇaṃ akāṅkṣantīṃ* «жаждущую сна» (то есть жена желает сна, так как думает во сне увидеть мужа).

В этом отрывке в пять строф описываются состояние и действия жены якши ночью, когда печаль особенно тяжела. До этого, в строфах 81—84, описывались действия жены днем (см. ниже). Естественно, что это описание в несколько строф должно было формально как-то объединяться в одно целое. С другой стороны, то обстоятельство, что однородные определения относятся к прямому дополнению «ее» (жену), управляемому сказуемым *paśya* «посмотри», заставляет нас при чтении постоянно иметь в виду, что якша настоятельно просит облако смотреть на жену; картины описания мук разлученной с мужем женщины мы видим как бы взором и якши, и облака, ибо призыв якши *paśya* содержит и тайное желание растрогать облако ночными муками своей жены.

Не случайно в следующей за этим отрывком 90-й строфе, представляющей собой обыкновенную замкнутую конструкцию, выражается уверенность якши, что облако не может остаться равнодушным, видя страдания несчастной женщины, и рассуждение это подкрепляется обобщающей сентенцией в последней строке.

Первая строфа этого периода, как и остальные имеет открытую структуру при поступательном движении, при обратном движении строфы 86, 87, 88, 89 имеют разомкнутую структуру. Коммуникативным заданием этого периода является характеристика ключевого слова.

Формула группы строф: {[1] + [3+4+4+4+4]}.

Открытый период образуют и строфы 82, 83, 84, соединяющиеся в одно сложносочиненное предложение, части которого

связываются друг с другом разделительными союзами *vā... vā* «или... или...» Сказуемые этих частей выражены причастиями настоящего времени без связки, которая подразумевается, или же именным сказуемым без связки. Весь этот период кончается обобщающей сентенцией (в строфе 84), комментирующей разные взаимоисключающие действия, описанные выше. Такой период нужен поэту для описания тех предполагаемых действий, которыми может быть занята возлюбленная якши в его отсутствие. Это те общепринятые, обычные дела, которыми может заниматься одинокая женщина в ожидании мужа в дневную пору. Кроме того, что такой период ограничивает отрывок от других отрывков, иначе выраженных синтаксически, он также освежает, обогащает ритмическую картину поэмы, вносит в общее спокойное течение ритма напряжение, ожидание. Как при поступательном, так и при обратном движении, строфы эти являют открытую конструкцию.

Формула группы строф: $\{[1]+[1]+[1]+[1]+[4]+[2]+[1]+[1]\}$

IV. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СТРОФ

Таблицы суммируют результаты анализа синтаксической структуры строф. Они построены по принципу—от простого к сложному; сначала отражены структура строф—простых пространственных предложений, затем строф—сложных предложений и в конце—строф, состоящих из двух или более предложений. В таблицах отражены только строфы замкнутой структуры. Таблица 1 показывает, что строфы—простые предложения большей частью имеют симметричное членение: бахуврихиальные обороты отчленяются от остальной части границей двустийшей, реже они не отделяются от остальной части предложения. Так же и деепричастные и предикативные причастные обороты имеют тенденцию отчленяться от основной части предложения, большей частью границей двустийшей, реже строфа имеет асимметричное членение или нечленима. Абсолютные обороты в «строфах-сравнениях» вычленяются в одной строфе из трех. Данные таблицы 2 показывают, что строфы—сложноподчиненные предложения с придаточными относительными и условными имеют четко симметричное членение. Наоборот, в строфах—сложных предложениях с отношением обоснования между частями преобладает асимметричное

Т а б л и ц а 1

Синтаксическое членение строф—простых распространенных предложений

Формула строф характеристика	Симметричное членение				Асимметричное членение		Нерасчлененные строфы
	(2)+(2)	(2)+(1+1)	(1+1)+(2)	(1+1)+(1+1)	(3)+(1)	(1)+(2+1)	4
с бахуврихальными и определительными причастными оборотами	1, 35, 42, 92, 103				93		23, 47, 81
с деепричастными и предикативными причастными оборотами	2, 4, 52	111	11, 14, 45, 78	19, 36	21, 62		95
с абсолютным locativом и сравнительным оборотом					18, 59	46	
с однородными парами определений к паре из прямого и косвенного дополнений							99
с присоединительным причастным оборотом, имеющим пояснительный оттенок	26						

Таблица 2

Синтаксическое членение строф—сложных предложений*

Формула строф	[2]+[2]	[3]+[1]	[2,5]+ [1,5]	[1]+[1]+ [2]	[3]+[0,5]+ [0,5]	[0,5]+ [1,5]+[2]	[2]+[1]+ [1]
характеристика							
СП с относительным придаточным	12, 15, 25, 44, 48, 49, 50, 55, 58, 63, 72, 73, 76, 96, 100.						
СП с придаточным условным	51, 60	28, 38, 41, 90, 98					
СП с отношением обособ- новения между частями	10, 43		97				
СС с противительным отношением между частями		101					
СС с отношением сое- динительного перечис- ления между частями				9			
СП с придаточным определительным, рас- пространенным за счет оборотов					29		
Сложные предложения усложненного типа						7	6, 53, 54, 108

* Использованы следующие сокращения: СП—сложноподчиненное предло-
жение; СС—сложносочиненное предложение.

Таблица 3

Синтаксическое членение строф, состоящих из двух или более отдельных пред-
ложений

Симметричное членение														Асиммет- ричное членение
Формула строф характеристика	$\{2\} + \{2\}$	$\{[1] + [1]\} + \{[1,7] + [0,3]\}$	$\{[1,3] + [0,7]\} + \{2\}$	$\{[1] + [1]\} + \{2\}$	$\{[1] + [1]\} + \{[1] + [1]\}$	$\{2\} + \{[1] + [0,5]\}$	$\{2\} + \{[1,5] + [0,5]\}$	$\{2\} + \{[1] + [1]\}$	$\{2\} + \{[0,7] + [1,3]\}$	$\{[1] + [1]\} + \{[1] + [0,5] + [0,5]\}$	$\{1\} + \{1\} + \{2\}$	$\{1\} + \{1\} + \{[1] + [1]\}$	$\{2\} + [1] + [1]$	$\{3\} + \{[0,7] + [0,3]\}$
2 предл. с отношением пояснения	22, 24, 34	27	39	94									104	
2 предл. с отношением обоснования					106, 110	8	17	3					102	
2 предл. с отношением присоединения	74				13			20, 75, 77	109					
2 предл. с отношением противительности					5			61						
3 предл. с разнообра- зными отношениями										91	85, 105, 107	56		37

членение. В одном случае границей между частями с отношением обоснования является вторая цезура третьей строки (97). Прида-точное дополнительное в строфе 29 отграничивается от главного цезурой 4-й строки (табл. 2).

Из строф, которые являются сложносочиненными предложе-ниями, в двух (9 и 40) наблюдается симметричное членение. Од-на строфа (101) имеет асимметричное членение. В строфах—сложных предложениях усложненного типа (то есть сложных предложениях, состоящих из более чем двух простых предложе-ний с разнообразными типами синтаксических отношений), не-смотря на расчленение на более чем две единицы, в целом также сохраняются контуры симметричного членения, то есть во всех случаях одна из границ между частями сложного предложения проходит между двустийными.

Из таблицы 3 явствует, что граница отдельных предложений в подавляющем большинстве случаев проходит между двустий-ными, хотя внутри двустий членения могут быть самыми разнообразными. Асимметричное членение в строфах, состоящих из отдельных предложений, наблюдается лишь в трех случаях (из 27-и): {3} + {1} (табл. 3).

V. ВЫВОДЫ

Исследование синтаксической структуры строфы «Мегхаду-ты» показывает, что в целом стих поэмы имеет четкую строчно-синтагматическую структуру. Приведенные выше таблицы пока-зывают, что ритмико-синтаксическое расчленение строф происхо-дит в основном симметрично или же по формуле: 3+1. Симмет-ричное членение преобладает, что объясняется паузой в конце двустий. В подавляющем большинстве случаев речевая сти-хотворная синтагма совпадает с языковыми структурно-норма-тивными синтаксическими отрезками.

Основными определяющими единицами синтаксического чле-нения строфы являются строка и двустийные. Строка или двустий-ные обособляют развернутые определения (1, 35, 42, 103), при-частные и деепричастные обороты (4, 2, 11, 52 и т. д.). Так же обстоит дело и с расчленением частей сложноподчиненных и сложносочиненных предложений.

Деепричастие со своей группой обычно обособляется от груп-пы сказуемого, но бывают случаи, когда дополнение дееприча-

стного оборота вместе с зависимыми от него словами располагаются в одной строке, а само деепричастие вместе со сказуемым в следующей, то есть группа деепричастия и группа сказуемого не обособляются. Например, в № 24:

tīropāntastanitasubhagaṃ pāsyasi svādu yat tat
sabhrūbhaṅgaṃ mukhaṃ iva payo vetravatyāś calormi

Ты сразу получишь полный результат как настоящий любовник, придя в прославленную повсюду столицу их по имени Видиша...

Обычно сравнительный оборот обособляется строкой, как, например, в № 46:

prekṣiṣyante gaganagatayo nūnam āvarjya dṛṣṭīr
ekaṃ muktāguṇaṃ iva bhuvaḥ sthūlamadhyendranīlam (46)

...Небожители непременно будут не отрывая глаз глядеть (на ее широкий поток, издали кажущийся узким),
Словно (это) жемчужный пояс земли с большим сапфиром посредине.

Границей для отдельных синтаксических групп выступает вторая (редко первая) цезура. Так, в 82-й строфе вторая цезура разграничивает абсолютный оборот и группу сказуемого:

aloke te nīpatati purā///sā balivyākula vā

Когда твой взгляд упадет (на нее),///она или (будет) занята жертвоприношением...¹²

В 7-й строфе цезура разграничивает части сложносочиненного предложения вывода:

saṃtaptānāṃ tvamasi śaraṇaṃ///tat payoda priyāyāḥ
saṃdeśaṃ me hara.....

Ты — утешение страждущих;///поэтому, облако, к милой
Послание мое отнеси...

В 4-й строке строфы 82, в цитации речи жены, второй цезурой отделяется обосновывающая часть сложносочиненного предложения.

kaccid bhartuḥ smarasi rasike///tvam hi tasya priyeti (82)

«Помнишь хозяина, кроткий,///ты же его любимец».

Знаменательно, что на границе перед цезурой или после нее часто располагается обращение в вокативе (91, 82, 7), что помогает заполнить пробел перед цезурой или после нее, довести

предложение до требуемых размеров. Обращение это может принадлежать, таким образом, первой или второй части сложного предложения.

В строфе 17 цезурой отделяется предложение со свернутым предикатом, сопоставляемое с первой частью сложносочиненного предложения.

na kṣudro 'pi prathamāsukṛtāpekṣayā saṃśrayāya
grāpte mitre bhavati vimukhaḥ///kiṃ punar yas tathocchaiḥ (17)

Даже самый ничтожный из уважения к прежним благодеяниям (друга),

Когда друг (приходит) за помощью, (от него не отвернется///
///что же (говорить о том), кто так высок.

Реже цезурой отделяются цитации мыслей или прямая речь от остального повествования, например, в строфе 16:

tvayy āyattaṃ kṛṣiphalam iti///bhrūvikārānabhiññaiḥ
pṛtīsnigdhaiḥ janapadavadhūlocanaiḥ pīyamānaḥ

«От тебя зависят плоды земледелия»—так (думающих)///не знакомыми с игрой бровей,

Блестящими от любви глазами сельских женщин выпеваемый...

В 108-й строфе слова облака отделяются от цитируемой речи — якиши первой цезурой...

bhūyaś cāha///tvam asi śayane kañḥhalagnā purā me
nidraṃ gatvā kimapi rudati sasvaraṃ viprabuddhā

И еще сказал:///«Бывало ты в постели, обняв меня,
Засыпала...»

Цезура является границей также для противопоставленных членов антитезы. Например, в строфе 6:

yaśnā moghā varam adhigune///nāchame labdhakāmā (6)

Бесплодная просьба к достойному лучше,///чем исполненная
просьба к недостойному.

Точно так же построено описание цветового контраста в сравнительном обороте строфы 18:

madhye śyāmaḥ stana iva bhuvah///śeṣavistārapañḍuḥ (18)

...Словно грудь земли, посередине темная///на остальном
пространстве светло-желтая.

В развернутом сравнении строфы 64 пары образов и предметов сравнения также разграничиваются второй цезурой:

vidyutvantam lalitavanitāh///sendracāram sacitrāh

prāsādās tvām tulayitum alam///yatra tals tair viśeṣaiḥ (46)

С имеющим молнию имеющие прекрасных жен;///с (украшенным) радугой, (расписанные) картинами

Дворцы с тобой могут сравниться///где этими многими свойствами.

В приведенных выше примерах синтаксическое и ритмическое членение строго совпадают. Стиховая пауза, которой отделяются друг от друга части антитезы, усиливает противопоставление, а в строфе 64 усиливает сопоставление и сравнение атрибутов облака и дворцов Алаки.

На фоне такого строгого совпадения синтаксиса и ритма особенно бросаются в глаза отклонения.

Есть случаи, когда части сложносочиненного и сложноподчиненного предложения не разграничиваются цезурой. Таких случаев немного.

В строфе 27 условная придаточная и главная части не разграничиваются цезурой. Слово *locapaig*, принадлежащее придаточной части, переступает цезуру:

...(Ибо) испуганными от вспышек молний///там горожанок
С мечущимися белками если не насладишься///очами, много потеряешь.

В строфе 14 восклицание жен сиддхов не отграничивается цезурой от дальнейшего повествования:

adreḥ śṅgaṁ haratī pavanaḥ///kiṁ svīd ity unmukhībhir
dṛṣṭotsāhaś cakītacakītaṁ mugdhasiddhāṅganābhīḥ

«Ветер несет вершину горы!///Что за чудеса?»—так поднявшие лица

На твою высоту будут испуганно смотреть робкие жены сиддхов...

В связи с этим нужно рассмотреть также наличие в поэме переносов, текущих строк, то есть случаи несовпадения метрического членения с синтаксическим. Говоря о характерных призна-

ках переноса, В. М. Жирмунский отмечает: «Наиболее характерным признаком переноса является присутствие внутри стиха *синтаксической* (подчеркнуто нами—В. А.) паузы, более значительной, чем в начале или в конце того же стиха. В зависимости от расположения этой паузы различаются два типа переноса: в одном случае синтаксическая пауза внутри стиха заканчивает фразу, переходящую из предшествующего стиха (...франц. *termein rejet*), в другом случае она начинает фразу, переходящую в следующий стих (...франц. *contre-rejet*)» [19, с. 154].

И далее Жирмунский отмечает: «Перенос наблюдается только, если внутри стиха появляется более значительная синтаксическая пауза, вызывающая более тесное примыкание синтаксически связанных частей предложения» [19, с. 155].

В «Мегхадуте» встречаются только переносы типа *contre-rejet*.

В строфе 7 в первой строке после второй цезуры начинается вторая часть сложносочиненного предложения вывода, переходящая из первой строки во вторую:

samtaptānaṃ tvamasi śaraṇaṃ///tat payoda priyāyāḥ
saṃdeśaṃ me hara

Ты—утешение страждущих;///поэтому, облако, к милой
Послание мое отнеси...

В строфе 14 есть межстиховой перенос типа *contre-rejet*:

adreḥ śṛṅgaṃ harati pavanaḥ///kiṃ svid ity unmukhībhiḥ
dṛṣṭotsāhaś cakṛtacakitaṃ mugdhasiddhaṅganābhiḥ

«Ветер несет вершину горы!///Что за чудеса?»—так поднявшие лица

На твою высоту будут испуганно смотреть робкие жены сидхов...

Первой и второй строками строфы 91 отрывается союзное слово *asmāt* от остального предложения.

В 97-й строфе межстиховой паузой отрывается дополнение от остального предложения.

В 109-й строфе цезурный перенос типа *rejet* сопровождается межстиховым переносом *contre-rejet* и обстоятельство причины *abhogā d* отрывается от остального предложения—афористической сентенции—межстиховой паузой.

Любопытно, что все случаи межстихового переноса встречаются

ся или в самом начале поэмы (строфы—7,14), или в последних отрывках (91, 97, 109). Плавное, размеренное описание путешествия и Алаки лишены таких несоответствий метрической и синтаксической структуры. Они встречаются, когда речь якши должна выражать особую взволнованность, экспрессию: в первой части, где якша обращается к облаку с мольбой, прося об одолжении, и в последних отрывках, где он рассказывает о жене и излагает послание. Переносы придают речи якши экспрессию, усиливают эмоциональную насыщенность.

Следуя своим художественным задачам, поэт мастерски чередует строфы—замкнутые конструкции с разомкнутыми и открытыми. Замкнутые строфы по выполняемой ими коммуникативной функции объединяются в несколько групп—строфы с характеристикой ключевого слова, строфы движения, строфы—сравнения, строфы с сентенцией, строфы с соблазном и предостережением и т. д. Единичные строфы, не входящие ни в какую из вышеназванных групп, немногочисленны. Это объясняется всем композиционным строем поэмы, единством модального плана повествования, повторяемостью ситуаций (особенно при описании путешествия облака). Но частое употребление строф функциональных синонимов сопровождается стремлением автора максимально использовать возможности языка в построении синонимичных конструкций, разнящихся своей синтаксической структурой. Это ясно видно из анализа структуры строф, из структурных формул и приводимых в конце главы таблиц. К примеру, в так называемую группу строф-сравнений входят всего 5 строф, ни одна из которых не повторяет синтаксическую структуру другой.

«Мегхадута»—лирическая поэма, сюжет которой может уместиться в двух предложениях. Повторяемость сюжетных ситуаций могла бы привести к монотонности, если бы не один из основополагающих принципов, на котором зиждется поэма—принцип многообразия в единстве.

Этим принципом продиктовано и то обстоятельство, что поэт прибегает также к строфам— разомкнутым и открытым конструкциям. Употребление их преследует в основном три цели:

1) Наиболее полная характеристика денотата слова являющегося ключевым для данной группы строф (то есть слова, являющегося информативным стержнем, несущего наибольшую информативную нагрузку). Ключевым словом для строф 30—31

является слово Вишала (Удджайини), для полной характеристики денотата которого и употребляется открытая конструкция в виде главного предложения с присоединяющимися относительными придаточными предложениями. Для строф 63—71 этим словом является «Алака», в отрывках с описанием жены—«жена».

2) Употребление таких конструкций помогает отграничению одного отрывка от другого, логическому и экспрессивному сопоставлению и противопоставлению разной информации. Так, в описании жены употребляются один разомкнутый и два открытых периода разного вида (79—80, 82—84, 85—89), сочетающиеся с замкнутыми строфами. В первом отрывке (79—80) дается общее описание жены до и после разлуки. В следующих двух отрывках, повествующих о действиях и состояниях жены днем и ночью, описание конкретизируется и детализируется.

Также и описание Алаки отграничивается от других разделов при помощи определенного синтаксического наполнения строф—открытых конструкций при поступательном движении.

3) Употребление разомкнутых и открытых периодов обогащает и освежает композиционную ритмику поэмы (строфы 32—33, 63—71, 82—84 и т. д.). Плавный размеренный композиционный ритм раздела о путешествии облака сменяется нарастающим перечислительным ритмом фрагмента с описанием Алаки. Раздел с описанием жены ритмически обогащается чередованием разных типов конструкций. Употребление разомкнутого периода в строфах 32—33 объясняется композиционным ритмом; период завершает цикл строф с краткими деепричастными (или причастными) оборотами, параллельных по своему строению.

ГЛАВА III

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ «МЕГХАДУТЫ»

1. СИНТАКСИС БОЛЬШОГО КОНТЕКСТА¹³. О МЕТОДАХ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ

До недавнего времени объектом изучения синтаксиса являлись в основном вопросы словосочетания и предложения. Разработка учения о сочетании предложений в более сложные единства (синтаксис целого текста) началась в последние десятилетия.

Тем не менее идею о существовании синтаксической единицы

большой, чем предложение, мы находим еще у А. А. Потебни [33], А. М. Пешковского [29] и др. К 1930 г. В. В. Виноградов сформулировал и частично осуществил программу изучения текста [6]. 1948 год специалисты считают годом рождения советской лингвистики текста. Тогда были опубликованы статьи Н. С. Поспелова [30; 31] и И. А. Фигуровского [46]. И. А. Фигуровский считается пионером в деле систематизации синтаксических связей между предложениями. Большую роль в плане разработки проблемы большого контекста сыграла статья немецкого ученого Карла Бооста [54], посвященная связям между предложениями и их специфике. Боост перечисляет формы связей между предложениями, подчеркивает, что между самостоятельными предложениями существуют те же «логические отношения» (перечисление, обоснование, отношения причины, следствия, времени, условия), что и внутри сложного предложения.

В последние десятилетия во всем мире стремительно возрос интерес к лингвистике текста. За последние 30 лет в этой области советскими учеными было опубликовано более 700 работ.

Уже на заре разработки проблем большого контекста исследования стали вестись в двух направлениях:

- 1) исследование межфразовых связей;
- 2) исследование суперсинтаксических единиц.

В дальнейшем прибавилось и третье направление:

- 3) исследование структуры и свойств текста в целом.

1) Исследование межфразовых связей за 30-летие неуклонно развивалось и углублялось. Выделяются различные средства связей—местоимения и слова с местоименным значением, синонимические повторы [41] и т. д., которые затем объединяются под общим названием—лексические или лексико-семантические повторы [37]. Сюда входят и синонимические повторы, и слова «заменители» или субституты (личные местоимения, указательные местоимения и наречия, союзные (относительные) слова, «нулевые» субституты—различные виды словесных пропусков). Как вид связи рассматривается также организованная смена «свободных грамматических категорий» (вид, время, наклонение, род, падеж), а также логическое следование [16]. С. И. Гиндин объединяет все механизмы связи «блоков» (т. е. предложений или их частей, или групп предложений) в 3 вида:

- а) «Зацепление каких-то переменных и операторов, значение

которых не может быть определено без обращения к соседним блокам, или, по крайней мере, предполагает наличие этих блоков в тексте; б) повтор, т. е. наличие в блоках каких-то общих признаков, уподобление некоторых элементов внутри блоков; в) «следование», возможность вставить между двумя блоками цепочку некоторых других блоков (не обязательно входящих в данный текст) так, что следующий блок может быть получен из предыдущих с помощью определенной совокупности правил преобразования» [10].

а) Формами зацепления автор, считает, например, союзы, начинающие самостоятельные предложения, указательные местоимения-наречия, указательные и онтосительные местоимения-прилагательные. К особому случаю синтаксического зацепления переменных С. И. Гиндин причисляет также употребление личных местоимений—заместителей, которые как и все средства синтаксического зацепления, для которых возможна замена лексическим повтором их antecedента, можно считать стилистическим аналогом лексического повтора (так, например, считает И. П. Севбо, см. выше).

Например:

Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную,
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую (Некрасов).

Указательное местоименное наречие «там» является средством синтаксического зацепления, но может трактоваться и как разновидность лексического повтора, так как «там» может быть заменено повтором «на Сенной». Но для «так», например, часто такая замена невозможна. С. И. Гиндин приводит в качестве примера первое предложение заключительной главы «Эдесской святыни» Вс. Вяч. Иванова—«Так жил и умер поэт», где *так* связывает последнюю главу со всем текстом.

б) Все виды повтора С. И. Гиндин объединяет под названием «семантический повтор». Этот тип связанности определяется как «повтор» некоторой совокупности семантических признаков» [10]. Смотря по тому, как распределяются эти признаки между членами повтора и присоединяются ли к семантическим признакам грамматические и фонетические, семантические повторы имеют свои разновидности.

Повтор бывает фонетическим (напр., аллитерация и концевая рифма), лексическим, воплощающимся в повторе некоторой лексемы или группы лексем, синтаксическим (напр., повтор времени, вида, наклонения глагола в соседствующих блоках, а также повтор целой синтаксической конструкции, вплоть до структуры всего предложения)¹⁴. Кроме них известен еще «полевой повтор» (от термина семантическое поле). Пример одного из типов полевого повтора—«Талантам надо помогать. Бездарности пробьются сами».

в) Логическая связность осуществляется следованием, т. е. предложение логически связано с теми, из которых оно может быть выведено с помощью некоторой совокупности правил вывода.

Средства межфразовых связей группируются также по следующему признаку: относятся ли они к последующему контексту или к предыдущему, т. е. выполняют функцию прямонаправленности или отсылочную функцию. Так, например, Макс Гифютце рассматривает грамматические средства прямонаправленной связанности текста [34]. Определенные глагольные формы и некоторые категории (будущее время, презенс в функции будущего, модальные глаголы, которые могут направить внимание читателя на последующее сообщение), а также числительные, местоимения, союзные и наречные частицы и другие он считает реализующими прямонаправленную функцию морфологическими средствами. Из синтаксических средств отмечает вопросительные предложения, факультативные контекстообусловленные рематические элементы.

2) Потребность выделения единиц «большей протяженности, чем предложение» дала жизнь второму направлению в исследованиях проблем большого контекста. Крупные единицы (часть, глава, раздел и т. д.) в достаточно больших текстах выделяются самими авторами. В различных типах текстов принципы выделения их различны. Поэтому лишь для более мелких единиц—сверхфразового единства и абзаца—исследователи разрабатывают принципы выделения более или менее успешно. Некоторые исследователи выражают сомнения «являются ли «надфразовые элементы» единицами системы языка в традиционном смысле слова» [36, с. 87].

Сверхфразовое единство [58, с. 194—198] (иначе называемое сложным синтаксическим целым [30], прозаической строфой

[42, с. 94—103] и т. д.) первоначально определялось как некоторое синтаксическое единство, группа предложений, объединенных с помощью союзов и союзных слов. По мере дальнейшей разработки средств межфразовой связи понятие сверхфразового единства (СЕ) потеряло свою первоначальную определенность и вычленение его из текста оказалось делом очень трудным. Для определения СЕ главным признаком становится наличие у него собственной «микротемы» [26], отличной от тем соседних участков текста. У Н. И. Жинкина тема называется «предметом (субъектом) высказывания» [17, с. 146—137].

Так как связь предложений состоит прежде всего в согласовании выражаемых ими смыслов то, «определение СЕ на основе единства и отдельности выражаемого им смысла (темы) отвечает именно лингвистической сути определяемого явления. В самом деле, граница должна быть, очевидно, точкой ослабления интенсивности МФС (межфразовой связи.—В. А), а следовательно, должна проходить в местах уменьшения смысловой общности, разделяя тем самым отрезки с относительно разными смыслами» [11, с. 353]. Тем не менее делаются попытки определить средства выражения темы СЕ и предлагается алгоритм для сегментации текста, который реализует гипотезу, состоящую в том, что «из конкурирующих повторов за сигнал окончания сверхфразового единства (СЕ) следует принимать обрыв повтора с наибольшей длиной области действия» [4, с. 21].

Понятия различия и самостоятельности смыслов (тем) относительны и поэтому, естественно, «минимальные СЕ», т. е. единицы, состоящие из предложений, могут объединяться в более крупные единицы, тоже называемые по-разному (напр., понятие сложного компонента у И. А. Фигуровского [47], понятие фрагмента у Г. Я. Солганик [42, с. 187—198] и т. д.).

3) Мы не будем, здесь подробно останавливаться на вопросах, связанных с принципами организации текста, классификацией текстов, потому что эти вопросы практически не связаны с темой нашего исследования.

Анализ структуры текста помимо решения других важных теоретических и практических задач используется для исследования особенностей, присущих художественному тексту, выявления характеристик той или иной авторской манеры. Таковы работы Г. О. Винокура [9], Н. С. Поспелова [32] и др. Т. И. Силь-

ман устанавливает своеобразие стиля Гете, Гердера, Лессинга, Винкельмана посредством сопоставительного анализа максимально сходных текстов этих авторов [40].

Большое значение для разработки проблем «большого контекста» имело учение об актуальном членении (функциональной перспективе) предложения.

Анализируя синтаксический строй «Мегхадуты», мы использовали предложенную Ф. Данешом классификацию тематических последовательностей [12; 56], основанную на теории актуального членения. Прежде чем перейти к изложению классификации Ф. Данеша, кратко рассмотрим сущность этой теории.

Актуальное членение отражает коммуникативное задание предложения, благодаря которому определяется смысловой вес членов предложения. С коммуникативной точки зрения в предложении (resp. высказывании) различают то, о чем дается сообщение (предмет сообщения), и то, что сообщается, таким образом, расчленяя предложение на два коммуникативных состава — тему и рему. Именно это членение и называется актуальным, ибо оно актуально для данного контекста или данной конкретной ситуации.

В лингвистических работах для обозначения двух коммуникативных частей предложения часто употребляют термины «данное» и «новое». Однако тема не всегда совпадает с «данным» в буквальном смысле этого слова (то есть не всегда содержит известный из контекста факт), а рема не всегда совпадает с «новым». Практически тема очень часто обозначает данное. Но темой может быть и неизвестное, новое для читателя и слушателя. Например, начало повествования, главы, абзаца, а иногда и целые отрывки текста построены так, что тема каждого предложения обозначает новое. Возьмем, к примеру, начальную строфу-предложение из «Мегхадуты». Схематически это предложение выглядит так:

«Некий якша, проклятем господина разлученный с возлюбленной,/поселился в скитах горы Рамагири».

Вертикальной чертой разграничены предмет сообщения — тема и то, что об этом предмете сообщается — рема. Но все предложение содержит только новую информацию, не расчленяясь на данное и новое.

Одновременно понятие темы более узко, чем понятие данно-

го. Элементы данного, будучи зависимыми компонентами словосочетания, могут входить в состав ремы. Опять возьмем упрощенный пример из «Мегхадуты».

«Там молодые богини /сделают из тебя душ».

Личное местоимение «тебя», обозначающее «облако», будучи элементом данного, входит в состав ремы.

Из приведенных выше примеров видно, что то, о чем говорится (т. е. тема) не обязательно должно быть известно, а то, что говорится (рема) не обязательно должно быть неизвестно. Таким образом понятия тема—данное и рема—новое практически часто соответствуют, но принципиально не тождественны.

Данность и новизна отражаются в лексическом составе предложения. Имеются специальные категории слов, выражающие данное: личные и указательные местоимения, имена собственные, имена нарицательные, обозначающие определенный предмет или лицо. Семантически избыточные элементы предложения, не играя информативной роли, имеют тенденцию входить в состав данного.

Теперь перейдем к классификации Ф. Данешом тематических последовательностей.

Ф. Данеш понимает тему как «исходный элемент предложения, который связывает высказывание с контекстом и ситуацией. При этом из нескольких возможных связей выбирается именно та, которая становится исходной точкой. С этого момента начинается и по отношению к нему строится все последующее высказывание»¹⁵. Тема имеет важнейшее значение с точки зрения организации текста. Конструктивная значимость ремы лишь в сообщении «нового», актуальной информации, тогда как тема, информативно мало значимая, является главным средством при конструировании текста.

Под тематическими последовательностями Ф. Данеш понимает выбор и организацию темы высказывания, их взаимную связь и иерархию, их отношение к гипертемам текстовых единств более высокого порядка (таких, как параграф, глава и т. д.), ко всему тексту и к ситуации.

Ф. Данеш устанавливает три основных типа тематических последовательностей (в дальнейшем—ТП):

1. Простая линейная ТП (ТП с линейной тематизацией рем) (схема 1).

Для иллюстрации приведем упрощенные примеры из «Мегхадуты»¹⁶.

(1) «Ты (т. е. облако) узнаешь Алаку, которая словно сбросила покрывало—Гангу для своего любимого. Там находится мой (т. е. якши) дом. Перед домом—сад. В саду—пруд».

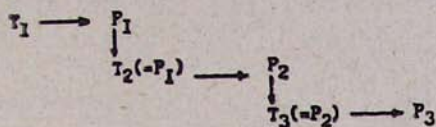

Схема 1. Простая линейная ТП.

Каждая рема (Р) становится темой (Т) следующего предложения.

2. ТП с константной темой (схема 2). У этого типа к теме присоединяются новые ремы, сама же тема остается неизменной.

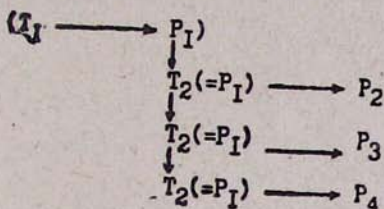

Схема 2. ТП с константной темой.

Например:

(2) «Некий якша, проклятем господина разлученный с возлюбленной, поселился в лесах горы Рамагири. В первый день ашадхи он увидел облако, охватившее вершину горы. Желая отправить весть возлюбленной, обрадованный, он произнес приветствие».

3. ТП с производными темами (схема 3).

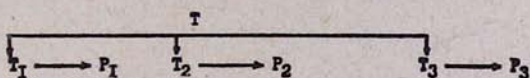

Схема 3. ТП с производными темами.

Например:

(3) «Якша был сослан в леса горы Рамагири. Причиной

ссылки был гнев Куберы. Длительность ссылки—один год. Результатом ее явилась разлука якши с женой.

Частные темы («причина», «длительность», «результат») за-
висят от гипертемы («ссылка»).

В конкретном тексте, в частности в таком сложном поэтиче-
ском тексте, как «Мегахдута» эти типы тематических последова-
тельности комбинируются, видоизменяются, сложно переплетает-
ся друг с другом.

Теперь изложим те основополагающие принципы, которыми
мы руководствовались при анализе синтаксического строя «Мегах-
дуты» и те изменения, которым для большего удобства анализа
сложнейшего текста мы подвергли идеальные модели тематиче-
ских последовательностей Ф. Данеша.

1) Известно, что как тема, так и рема могут быть выражены
как одним словом, так и несколькими словами. Тогда можно го-
ворить о «составе темы» и «составе ремы»¹⁷, а элементы, состав-
ляющие тему или рему назвать соответственно элементами темы
и элементами ремы¹⁸. В конкретном тексте связи между предло-
жениями могут быть двойными, тройными. Например:

(4) «Некий якша был разлучен с женой и сослан в ски-
ты Рамагири. Он провел на этой горе несколько месяцев.
Однажды в первый день ашадхи он увидел облако, склонив-
шееся над вершиной горы. Встав перед ним, спутник Кубе-
ры долго думал».

Второе предложение отрывка как и остальные, соединяются с
предыдущим повтором слова «якша». Это или местоименный, или
синонимический (последнее предложение) повтор. Мы имеем ТП
с константной темой. Но одновременно второе предложение свя-
зывается с первым местоименным-синонимическим повтором сло-
ва «Рамагири»—«на этой горе». Таким образом имеется второе
звено связи. Так же и третье предложение соединяется со вторым
повтором: «над вершиной горы». Наконец, в четвертом предло-
жении посредством личного местоимения («перед ним») «пов-
торяется» слово «облако».

Таким образом, часто тематизации подвергается не вся ре-
ма, а элементы ремы. И связующим звеном становится не толь-
ко «тема», но и «элементы, составляющие тему». В синтаксисе
текста эти связующие элементы, «соединители» текста называют-

ся «связующими индексами» [2, с. 185—186]. В нашем анализе вместо слов «тема» или «элемент темы» мы будем пользоваться термином «связующий индекс» или просто «индекс» (И), который обозначает как языковой знак, так и его денотат. Что касается ремы, то, поскольку в нее могут входить элементы данного, нас в ее составе будет интересовать лишь новое (Н) или элемент нового (ЭН), необходимые для развития текста.

Таким образом, применяются символы И и Н или ЭН. Для обозначения последовательных временных отрезков употребляется индекс *i*.

2) Кроме трех типов ТП, выделяемых Ф. Данешом, есть еще один тип строения контекста. Это «параллельный строй контекста» [25].

Предложения не сцепляются друг с другом, образуя ТП, а сопоставляются, при этом благодаря параллелизму конструкций в зависимости от лексического «наполнения» возможно сопоставление или противопоставление. В идеальном случае связующие индексы между предложениями отсутствуют, каждое предложение сообщает только новую информацию, но отдельные предложения объединяются благодаря общей для всего контекста «микротеме»¹⁹ и параллелизму конструкций. Например:

(5) «Сладко звучат наполняемые ветерками пустотелые бамбуки. Страстные жены киннаров распевают о победе над Трипурой. В пещерах откликается барабанный гром облака».

Как видим, предложения не сцепляются связующими индексами. Каждое предложение содержит только новое. Но они объединяются благодаря параллелизму построения и общей для данного контекста микротеме, которую можно назвать «сангита»²⁰ в честь Шивы на горе Химават».

3) Строфа поэмы совпадает с понятием «блока» у С. И. Гиндина (блок, как мы уже говорили—это единица текста, представляющая собой предложение, или его часть, или группу предложений) [10, с. 120]. Строфа является для нас единицей отсчета, потому что даже тогда, когда она представляет собой совокупность двух или более предложений при установлении форм связи между строфами очень редко возникает необходимость анализировать связи между предложениями строфы. Это объясняется тем, что не все предложения строфы играют одинаковую роль

для дальнейшего развития поэмы. Особенно это относится к предложениям, представляющим собой обобщающее отступление или сентенцию. Поэтому внутренняя структура строф анализируется нами лишь в том случае, если этот анализ помогает выявлению связей между строфами, аналогичности построения соседних строф и тем самым позволяет ясно представить строение фрагмента. Таким образом, нами исследуются в основном типы и характер межстрофных связей.

4) Строфы объединяются в «эпизоды». «Эпизод» в литературоведческом понимании это более или менее законченная часть художественного произведения, обладающая относительной самостоятельностью. Эпизодом для нас является объединение общей микротемой строф, связанных с помощью средств межстрофной связи; последние в данном случае имеют более или менее одинаковую интенсивность. Границы эпизода определяются изменением микротемы, ослаблением интенсивности межстрофной связи или изменением основного для данного эпизода типа ТП. Эпизоды объединяются в разделы, при выделении которых мы используем данные других исследователей (см. II часть II главы данной работы).

5) Метод внутрискруктурной таксономии (анализ текста и синтез единиц до сверхфразовых образований) и филологической интерпретации мы сочетаем с методом лингвистического моделирования. Для каждого эпизода дается схема, изображающая тип и интенсивность межстрофных связей. Подробному анализу подвергаются лишь эпизоды, наиболее интересные в структурном отношении.

6) Определяется также, какие коммуникативные типы строф участвуют в построении каждого эпизода, раздела, части, что позволит выявить характер последних.

2. ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ «МЕГХАДУТЫ»

Перед тем как начать рассматривать синтаксический строй «Мегхадуты», обратим внимание на ее очень важную особенность.

Этой особенностью, как было уже отмечено, является то, что почти вся поэма (за исключением первых пяти вступительных строф) представляет собой прямую речь якиши, обращенную к облаку. Установкой на адресата объясняется конативность

сообщения якши, выражаемая с помощью звательных форм и повелительного наклонения. Во второй части поэмы, в разделе с описанием послания якши к жене, происходит переход от первой прямой речи (речи якши к облаку) ко второй (речь облака к жене якши), а затем к третьей (речь якши к жене) прямой речи. Для наглядного представления этих переходов воспользуемся построенной Романом Якобсоном [52] схемой факторов, непременно присутствующих в каждом акте словесной коммуникации.

В первых пяти строфах поэмы непосредственным адресантом

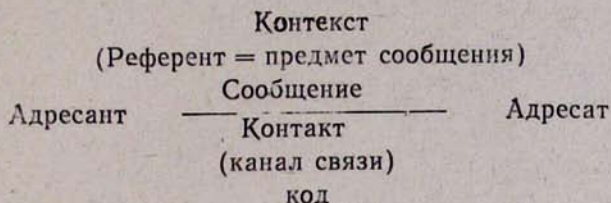

Схема 4. Факторы непременно присутствующие в каждом акте словесной коммуникации.

является автор, сообщение его направлено на читателя (адресат). Референтами (предметами) сообщения являются якша и облако. С 6-й строфы начинается прямая речь якши (первая прямая речь), обращенная к облаку. Так что с этой точки зрения вся поэма делится на две основные части—первые пять строф (описание встречи якши с облаком) и остальная поэма (обращение якши к облаку). Схематически это можно представить так:

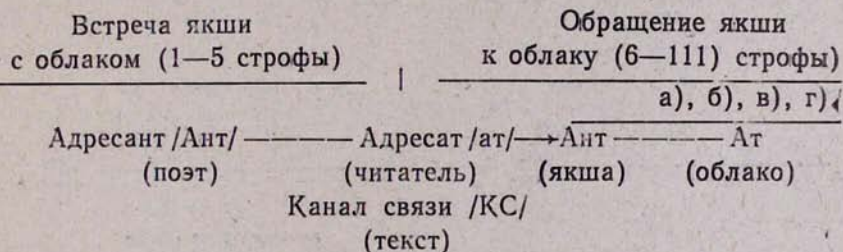

Схема 5. Деление поэмы на две части (речь автора и речь якши).

Обращение якши к облаку делится на несколько отрывков. Якша уговаривает облако стать вестником (каналом связи), т. е. а) совершить путешествие в Алаку; б) представиться жене и передать

сведения о якше; в) передать послание якши; г) якша надеется, что облако исполнит его просьбу, и благословляет его.

а) До конца первой части (6—63 строфы) основным предметом сообщения являются облако и его дорога в город Алаку. В описании Алаки (63—71), дома якши (72—78) облако почти перестает фигурировать в качестве предмета сообщения, оставаясь адресатом. Но поэт вводит облако в сообщение, употребляя облако и его атрибуты в качестве образов сравнений. Облако начинает фигурировать в описании жены якши (79—95) в качестве наблюдателя и сопереживателя ее страданий.

б) С 96-й строфы начинается вторая прямая речь—изложение вести. Непосредственным адресантом (Ант) становится облако, адресатом (Ат)—жена якши. Якша вкладывает в уста облака слова, которые оно должно сказать жене. Так продолжается до 101-й строфы. Облако-адресант одновременно является каналом связи, посредником, при помощи которого якша хочет передать жене весть.

в) Со 101-й строфы начинается третья прямая речь. Здесь

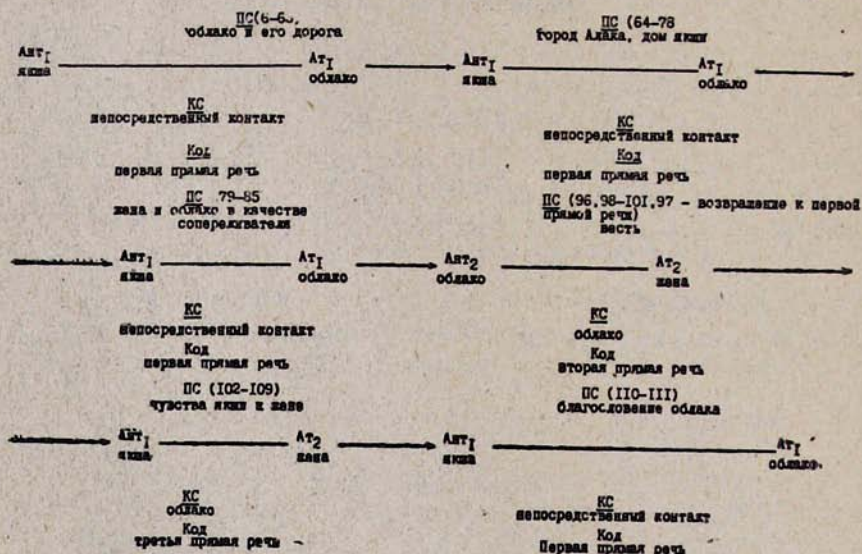

Схема 6. Переходы от первой прямой речи ко второй и третьей*.

* Приняты следующие сокращения: ПС—предмет сообщения, КС—канал связи, Ант—адресант, Ат—адресат.

непосредственным (формальным) адресантом становится якша (Ант₁), адресатом—жена (Ат₂), облако продолжает оставаться каналом связи. Но не будем забывать, что на самом деле истинным адресантом и адресатом (Ант₁)—(Ат₁) остаются якша и облако. Со 101-й строфы излагаются слова якши, непосредственно обращенные к жене. Эти слова через канал связи (облако) должны быть переданы жене. Третья прямая речь продолжается до 109-й строфы включительно. Здесь якша описывает жене свои чувства и переживания в разлуке, сообщает и интимную примету, по которой жена должна узнать, что послание действительно исходит от него.

г) В 110-й строфе происходит скачок к первой прямой речи, то есть опять изображаются слова якши (Ант₁) к облаку (Ат₁). Здесь якша высказывает уверенность, что облако исполнит его просьбу и станет вестником; кончается поэма благословением якши, обращенным к облаку (см. схему 6).

3. ПЕРВАЯ ЧАСТЬ, ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ (1—13)

Раздел состоит из двух эпизодов.

3. 1. Первый эпизод (№ 1—5).

Микротема эпизода: якша и его встреча с облаком. Эпизод представляет собой речь поэта. Он характеризуется лаконичностью, тесной связью отдельных строф, сгущением, сжатостью мысли, употреблением перфектных форм в функции исторического прошедшего, которые иногда, в сентенциях, сменяются с настоящим в функции передачи обычного состояния, постоянного свойства в соответствующих условиях. В схеме 7 показаны основные типы ТП данного эпизода.

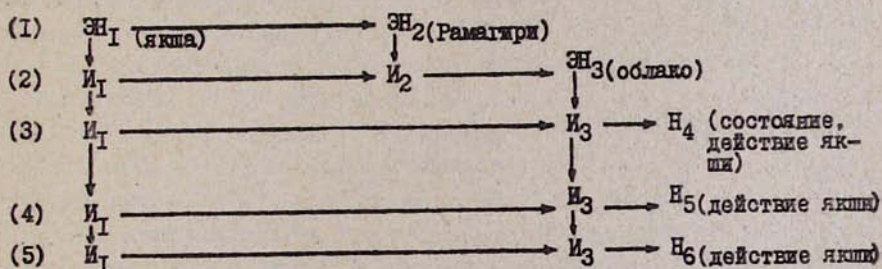

Схема 7. Первый эпизод первого раздела первой части. Типы межстрофных связей.

Эпизод этот имеет две явно выраженные ТП с константными индексами $I_{1(\text{якша})}$ и $I_{3(\text{облако})}$.

3. 2. Второй эпизод (№ 6—13)

Микротема: якша уговаривает облако двинуться в путь. Начинается речь якши. Этот эпизод резко отличается от первого эпизода. С началом первой прямой речи и превращением якши в адресанта, а облака—в адресата, употребляются звательные формы существительных, местоимение второго лица и повелительное наклонение глагола. Уже в № 7 вводится мотив движения, пути облака и упоминается конечный пункт путешествия облака, город Алака. Дальше в последующих четырех строфах (8, 9, 10, 11) якша, как бы задабривая, уговаривает облако двинуться в путь и старается убедить его, что путешествие последнего будет и полезным (№ 8, 10), и приятным (№ 9, 11).

Строфы эти, сохраняя единство адресата и единый I_3 (облако), (названный личным местоимением второго лица или же, при выражении лица в глаголе, подразумеваемый) имеют параллельное строение. Вот их общая схема:

(№ 8) *tvām... prekṣiṣyante pathikavanitaḥ...*
на тебя... посмотрят жены путников...

(№ 9) *...seviṣyante... bhavantaṃ balākāḥ ..*
проводят... тебя журавли...

(№ 10) *...drakṣyasi bhratṛjāyām*
...увидишь жену брата.

(№ 11) *...sampatsyante... bhavato rājahamsāḥ sahayāḥ*
...станут твоими спутниками лебеди.

Во всех четырех строфах сказуемые имеют общую временную характеристику, они выражены или простым будущим в значении ближайшего будущего, или (в № 9) для стилистического разнообразия релятивным настоящим, тоже в значении ближайшего будущего (*nudati, padati*, см. гл. II, раздел 8). Здесь перечисляются как бы побудительные причины, которые могут заставить облако двинуться в путь. Отступления от нити повествования в виде комментария (№ 8) или сентенции (№ 10), являясь вводными, не меняют общей картины и не мешают осознанию параллельности структурного строения строф. Этому способствует и то, что строфы связываются между собой соединительной частицей *«и»*. Этим усиливается перечислительная интонация и создается

песенность, своеобразный ритмический рисунок. Вот схематический перевод эпизода:

(№ 6) Знаю тебя как рожденного в семье Пушкаргов, слугу Индры, поэтому и пришел к тебе...

(№ 7) Ты—утешение страждущих, отнеси же весть моей возлюбленной, иди в Алаку...

Следующие строфы, состоящие из параллельных друг другу предложений соединяются со строфой 7 как бы отношением обоснования:

(Ведь) (№ 8) жены путников будут смотреть на тебя, вздыхая с надеждой,

(№ 9) и ветер попутный понесет тебя, как тебе угодно. и слева сладко запоет родственная тебе чатака, (а) журавли, предвкушая миг зачатья, проводят тебя в небе, (№ 10) и жену брата ты увидишь верной и все еще живой,

(№ 11) и лебеди станут твоими спутниками до Кайласы, услышав твой гром.

(№ 12) Попрощайся (же) с милым другом, обняв высокую гору...

(№ 13) (Но) сначала (т. е. прежде чем попрощаться и лететь в Алаку—В. А.), послушай описание дороги с остановками у гор и рек, затем послушаешь мое послание.

№ 12 является чем-то вроде вывода из предыдущего: отметив благоприятные сопутствующие обстоятельства, якша, уверенный, что уже достаточно уговорил облако, побуждает его попрощаться с горой Рамагири и двинуться в путь. Эта строфа оформляет концовку эпизода, что подчеркивается также изменением наклона глагола, индикатив (простое будущее) сменяется императивом, выражающим призыв: *arśchasva* «попрощайся». № 13 находится с предыдущей в противительном отношении. В № 12 якша призывал попрощаться с горой, здесь же следует оговорка: «прежде чем попрощаться и двинуться в путь, выслушай описание пути, затем мое послание». Эта строфа является кратким наброском плана всего дальнейшего повествования, зачином, содержание которого должно раскрыться далее. Действительно, якша сначала описывает облаку его путь, затем весть, и остановки облака в этом воображаемом пути происходят в основном на горах или у рек. Таким образом, № 13 является концовкой

вступительного раздела и одновременно—обобщающим зачином для всей последующей речи якиши. Схема 8 отражает типы межстрофных связей эпизода.

Как видим, все строфы сохраняют единство I_3 (облако), на этом фоне четыре строфы имеют параллельную структуру. В них с каждым предложением меняются субъекты, совершающие действия и все содержание, за исключением связующего индекса, является новым. Таким образом, в этом эпизоде тип ТП с константным на протяжении всего эпизода индексом сочетается с параллельностью структуры четырех строф, расположенных в середине эпизода.

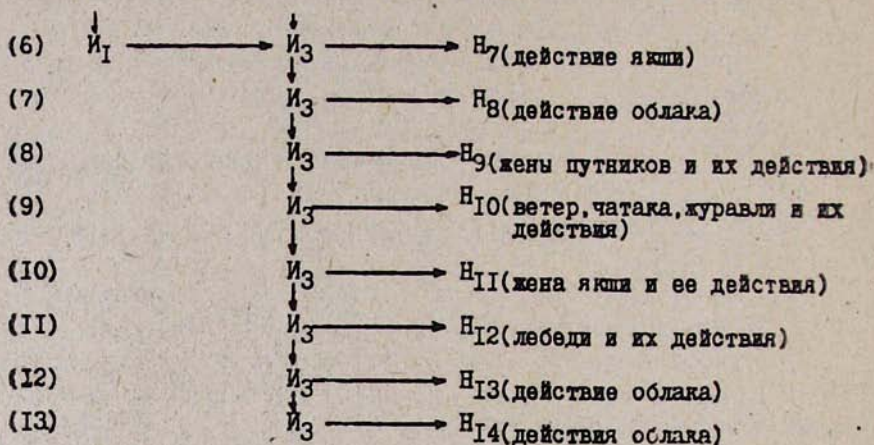

Схема 8. Второй эпизод. Типы межстрофных связей.

Посмотрим теперь, какое строфическое наполнение имеют два эпизода, составляющих первый раздел. Во всем разделе из 13-и строф только две являются строфами с характеристикой ключевого слова (см. гл. II, раздел 3). Это первая строфа поэмы, где ключевым словом является «Рамагири». В первом маленьком эпизоде, отличающемся повествовательностью и быстрой сменой действий, встречаются две строфы, ключевыми словами которых являются деепричастия и личные глаголы (условно строфы движения). Эти строфы перемежаются со строфами с философским отступлением (№ 3, 5). Во втором эпизоде, где особенно важен момент уговаривания и упрашивания—две строфы с отношением соединительного перечисления между частями (№ 9, 13), одна

строфа с ключевыми действиями (№ 11), одна—с соблазном, три строфы с сентенцией или отступлениями (№ 6, 8, 10). В целом надо отметить разнообразие употребляемых типов строф. Это обусловлено разнохарактерностью, даже контрастностью содержания эпизодов данного раздела, повышенной информативностью и вступительным характером данного раздела. Надо отметить также большую частотность употребления строф с лирическими или морализующе-философскими отступлениями (5 строф из 13-и). Сентенции двух из них, встречающихся в первом эпизоде, диктуют условия поэмы, «правила игры», а сентенции трех встречающихся во втором эпизоде, имеют целью уговорить облако совершить путешествие.

4. ВТОРОЙ РАЗДЕЛ (14—63)

Этот раздел—описание якшей пути облака до Алаки. Во всем разделе глаголы употребляются главным образом в императиве и оптативе, иногда встречаются формы будущего времени, которые в сентенциях сменяются настоящим в значении обычного действия или состояния.

На протяжении всего раздела слово «облако» и его заместители являются постоянным связующим индексом между строфами.

4. 1. Первый эпизод (14—33).

Микротема: путь облака до Махакалы. Со строфы 14 в воображении якши начинается движение облака, его путешествие. В № 14, 15, 16, 17 как и в № 8, 9, 10, 11, поэт прибегает к излюбленному приему: задабриванию облака якшей и перечислению благоприятных обстоятельств. Но параллельность строения последних явственно ощущалась, в то время как у первых она более смутна. В № 8, 9, 10, 11 перечисление благоприятных обстоятельств касалось всего путешествия. Здесь же оно просто имеет целью побудить облако двинуться с места. Упоминание о робких женах благочестивых полубогов-сиддхов, которые будут изумленно глядеть на мощь облака и примут его за вершину горы, несомую ветром (№ 14), о радуге и великолепии, которое она придаст черному облаку (15); о взорах сельских женщин, провожающих облако на взгорье Малу (16); о горе Амракуте, которая поддержит облако мудрой головой (т. е. примет его радушно) и даст ему отдохнуть,—все это является побудительным мотивом, чтобы облако двинулось в путь. Кроме смысловой пространственной

связи и связи посредством I_3 (облако) других связей нет.

Далее на протяжении всего эпизода облако находится в пути. Оно совершает кратковременные остановки на горах или у рек и движется далее. Эпизод строится именно на смене описаний отдельных географических пунктов, где облако останавливается, с описанием просто дороги облака, его движения. Схема межстрофных связей отражает эту особенность: «остановка—движение—новая остановка» или скорее: «Новый объект—путь, движение—новый объект». Когда описывается движение, дорога облака, то связующим индексом является только I_3 (облако), других реальных связей между строфами нет, если не считать общий для всего эпизода мотив пути, движения. Новым в данных эпизодах каждый раз становятся действия облака в пути. Если же описывается новый пункт на пути облака, то в следующей строфе повтором этого ЭН обеспечивается второе временное звено связи типа ТП с константным индексом, когда индекс этот может встречаться на протяжении двух-трех строф, а иногда линейная ТП. Но чаще ЭН, представляющий название какого-нибудь географического пункта, не повторяется в следующей строфе, и связующим звеном между строфами остается лишь I_3 (облако). Иногда второе звено связи может быть обеспечено и посредством контактных по смыслу слов. Например сказуемое строфы 20 *gaccheḥ* «иди» повторяется в следующей строфе контактным по смыслу словом *...te ... taḡaṃ* «твою дорогу»²¹. Схема 9 отражает типы межстрофных связей эпизода.

Обратим внимание на некоторые интересные моменты в этом эпизоде.

1) В № 22 говорится, что несмотря на стремление облака идти быстро, у него будет задержка на каждой горе, душистой от какубхи. Эта строфа может трактоваться двояко:

а) Остановки на каждой горе, о которых якша говорит, относятся к промежутку до того, как облако достигнет Дашарны, имена гор якшей не называются.

б) Слова *paḡvate paḡvate* «на каждой горе» относятся к горам, которые еще встретятся и будут называться. Мы склонны допустить скорее первую трактовку, имея в виду, что эти горы—*kaḡubhasurabhaṇ* «душисты от какубхи», а в дальнейшем повествовании какубха вовсе не упоминается. Например, следующая гора—Ничайс благоухает душистыми притираниями из пещер,

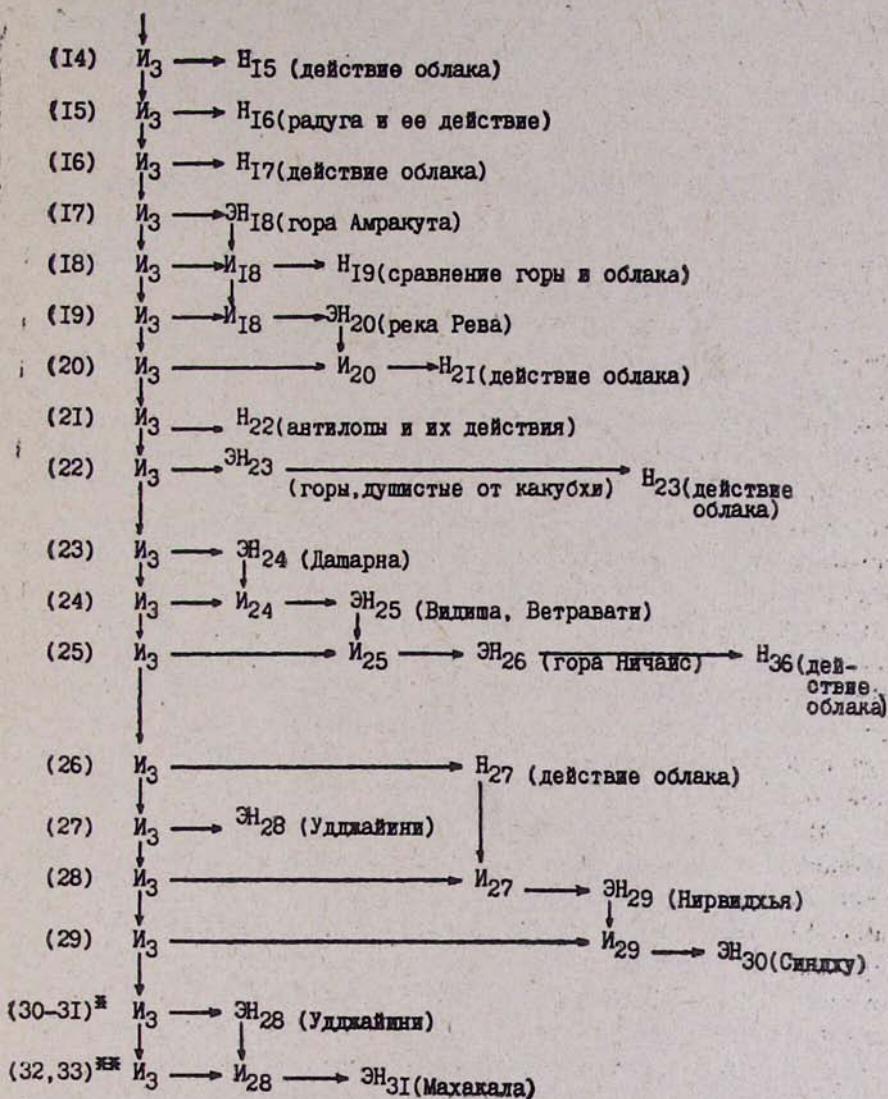

Схема 9. Первый эпизод второго раздела. Типы межстрофных связей.

* (30-31)—так обозначаются строфы, объединяющиеся в открытый период.

** (32, 33)—так обозначаются строфы, составляющие разомкнутый период.

где наслаждались горожане с куртизанками. Если принять первую трактовку, то строфу 22 надо считать промежуточной между описанием Ревы и описанием Дашарны. При второй трактовке эта строфа—как бы зачин, относящийся к дальнейшему повествованию: сначала вообще упоминаются горы, а затем они поочередно перечисляются в последующих строфах.

2) Строфой 27 начинается описание города Удджайини, но в этой строфе в воображении якши облако еще не достигло Удджайини, оно еще должно пересечь реки Нирвиндхью и Синдху, прежде чем попасть в город. Здесь якша еще только упоминает о городе, утверждая, что посещение его много бы дало облаку. № 27 является как бы зачином к отрывку об Удджайини, хотя в воображении якши облако еще находится по дороге к нему и только-только намеревается отправиться туда, слегка искривив путь. Именно поэтому № 27 связывается с № 28 только посредством I_3 (облако), оставаясь таким образом вводной строфой. Начиная с № 28 связь между строфами становится более тесной, появляется второе звено связи. Наконец в № 30 облако достигает Удджайини. Синонимичным повтором названия города № 30 сцепляется с № 27, таким образом, окольцевая весь отрывок об Удджайини. Для более пространного описания Удджайини (resp. Вишалы) употребляется открытая конструкция: к № 30 относительным наречием *yatra* «где» присоединяется № 31 в виде относительного придаточного предложения (см. об этом II главу, раздел Б).

3) Строфа 32 представляет собой развернутый деепричастный оборот, а группа сказуемого занимает строфу 33. В № 33 начинается мотив Шивы, тесно соприкасающийся с мотивом Удджайини, ибо Махакала—храм Шивы находится близ города, и одной из причин, побуждающих облако свернуть в Вишалу, является посещение храма Шивы и почитание великого бога. Объединение строф 32—33 в разомкнутый период объясняется логикой развития внутреннего ритма: конструкция усиливает напряженное ожидание перед разрешением в № 33. В предыдущих строфах заметна некоторая аналогичность построения. В № 16 облако побуждается, поднявшись на Малу, идти сначала на запад, затем на север.

(№16) *kṣetram āruhya mālaṃ... vraja*
«поднявшись на Малу—иди...»

Отрывок Амракуты кончается сходной строфой. Обычно после деепричастного или причастного оборотов следует глагол движения, выраженный императивом или оптативом:

(№20) *tasyās... toyam ādāya gaccheḥ*
«взяв ее воду—иди...»

№ 26, завершающая мотив района Дашарны, имеет аналогичную структуру:

(№26) *viśrāntaḥ san vraja vananaditīrajātāni śīṅgann
udyānānāṃ navajalakanaḥ yuthikājālakāni*
«Отдохнув, иди, окропляя каплями свежей воды бутоны
садовых жасминов, рожденные на берегу Вананади...»

Затем случаи сочетания глагола движения с деепричастным или причастным оборотами учащаются. Такие сочетания попадают в строфах:

(№28) *nirvindhyaḥ pathi bhava rasābhyantaraḥ sannipatya*
«по пути, опустившись, будь погружившимся в лоно вод
Нирвиндхьи...»

(№30) *prāpyāvantīn... anusara... viśālāṃ.*
«Достигнув Аванти... следуй в ...Вишалу»

(№32) *...nītvā rātriṃ...*
«...проведя ночь...»,

(№33) *yāyaḥ... dhāma caṇḍeśvarasya.*
«...иди... в жилище Шивы...»

Таким образом, намечается некоторая закономерность строения вышеприведенных строф, которые находятся друг к другу как бы в перечислительных отношениях:

Сделав то-то, иди туда-то;
совершив то-то, следуй туда-то.

Прибытие в храм Махакала является логическим завершением этого «перечисления», здесь облако должно сделать длительную остановку; он является конечным этапом отрезка пути, описанного выше, и ритмический рисунок очень хорошо отражает эту тенденцию. Путь облака вел сюда, и здесь, наконец, напряжение ритмического движения получило свое разрешение. Поэтому нам

кажется вполне целесообразным, что в критическом издании выбран вариант разомкнутой конструкции (в некоторых изданиях «Мегхадуты» № 32 представляет замкнутую конструкцию).

Строфами 32—33 завершается описание Удджайини и дороги к нему, и начинается мотив Шивы. Но он раскрывается в следующем эпизоде.

4. 2. Второй эпизод (34—39).

Микротема: облако вечером, ночью и утром у Махакалы. В схеме 10 отражаются типы межстрофных связей эпизода.

Вместе с единством I_3 (облако) есть константный на протяжении всего эпизода I_{31} (Махакала). Одновременно появляется константный индекс t_{31} , обозначающий последовательные временные отрезки.

До сих пор стимулом для развития сюжета являлось преодоление пространственных отрезков. Описывались отдельные географические пункты и в связи с ними действия и переживания облака. В последних строфах толчком для сюжетного развития является смена времени суток. Местопребывание облака одно и то же—Махакала и его окрестности. Движение облака приостанавливается, мотив пути отодвигается, но время продолжает свой бег.

Так, достигнув Махакалы, облако должно подождать до сумерек, чтобы сыграть роль литавр во время жертвоприношения в честь Шивы. В № 35 описывается танец храмовых танцовщиц во время этой службы. Тогда же, вечером, облако, красное от закатных лучей, должно уничтожить желание Шивы танцевать с окровавленной шкурой слона-демона и таким образом должно завоевать благосклонность Парвати (№ 36). Описание непроглядной ночи ассоциируется в воображении поэта с влюбленными женщинами, спешащими под покровом тьмы к любовникам (№ 37)—один из излюбленных мотивов в санскритской литературе. Затем якша призывает облако провести ночь с женой-молнией на крыше какого-нибудь дома, а с восходом солнца продолжать оставшийся путь (№ 38). Утро у поэта ассоциируется с неверными любовниками, возвращающимися к оскорбленным изменой женщинам, чтобы осушить их слезы. И тут же рождается сравнение-параллель: точно так же солнце возвращается, чтобы убрать росу-слезы с лотосов, и облако не должно мешать его ру-

кам-лучам (№ 39). Сравнительно долгая остановка облака у Махакалы кончается, облако продолжает путь. Тесная связь с № 40

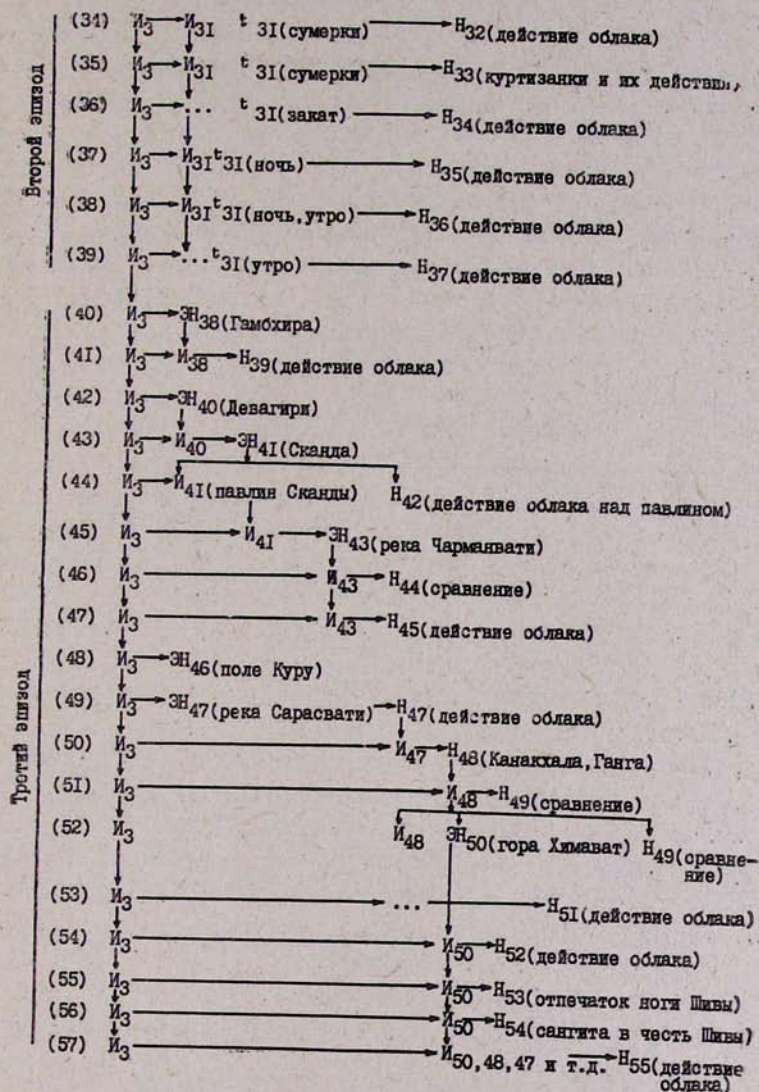

Схема 10. Второй и третий эпизоды II раздела. Типы межстрофных связей.

прерывается, остается лишь I_3 (облако). Это возвещает начало нового эпизода.

4. 3. Третий эпизод (40—57).

Микротема: путь от Махакалы до горы Кайласа. В схеме 10 показаны типы межстрофных связей эпизода.

В основном картина межстрофных связей та же, что и в первом эпизоде раздела. Кроме постоянного связующего I_3 (облако), второе звено связи обеспечивается повтором названий отдельных географических пунктов и появляются типы ТП или с константным индексом, или иногда с разными, т. е. обрывки линейной ТП. Но есть здесь и свои особенности. Так, два раза (№ 43, 44 и 51, 55) появляется тип ТП с производными индексами (см. с. 345). В нашей схеме этот тип изображается так:

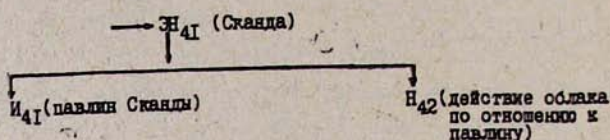

Схема 11. Изображение ТП с производным индексом.

Хотя «павлин» являет собой новый объект, он имеет родство с $ЭН_{41}$ (Сканда) и является производным от него.

Теперь остановимся на некоторых интересных моментах данного эпизода.

1) Проанализируем более подробно структуру строфы 49. Она представляет собой сложноподчиненное предложение с препозитивным придаточным относительным. Препозиция придаточного ломает однообразие синтаксического рисунка (в строках 48 и 50 имеем постпозицию придаточного), одновременно такое расположение дает возможность разместить глагольную группу главного предложения в последней строке.

Эта глагольная группа, построенная на антитезе, приобретает афористическую меткость, а афоризмы в поэме располагаются в последней строке.

antaḥ śuddhas tvam asi bhavitā varnamātreṇa kṛṣṇaḥ

«...будешь ты светлым изнутри, черный только цветом».

Относительное придаточное и главное предложения построены по

принципу параллельности. Тут проводится параллель между светлокожим Плугоносцем, очистившимся водами священной реки Сарасвати, и облаком, которое будет светло в своем существе и черно только цветом. (В строфе 59 светлокожий Плугоносец с накинутым на плечо черным плащом становится образом сравнения для снежной горы и темного облака на ней). Здесь параллельность выявляется занимающими первые строки первого и второго двустийший деепричастными оборотами; подлежащими являются в первом—Плугоносец, во втором—облако, и оба очищаются водами реки Сарасвати, отличаясь, таким образом только внешним обликом.

Оставив вино,...

... к которым имел пристрастие Плугоносец,
к тем водам Сарасвати придя, милый,
ты будешь светлым изнутри, черный только цветом.

2) Горе Химават—жилищу Шивы посвящены 5 строф (№ 52—56). Этот отрывок имеет константный И₅₀ (гора Химават), причем три из пяти строф отрывка так или иначе посвящены прославлению Шивы. В № 52 в качестве образа сравнения для горы и облака является белый бык Шивы, пронзивший рогом черный ком. В № 55 предметом описания является священный отпечаток ноги Шивы, а в № 56 звучит сангита ветра, жен киннаров в честь великого бога.

3) В № 57 анафорический повтор *tāns tāt viśeṣān* «эти и те выдающиеся места» отсылает нас к достопримечательностям, встречающимся на протяжении всего эпизода, таким образом, охватывая все его содержание и оформляя его концовку.

4. 4. Четвертый эпизод (№ 58—63).

Микротема: облако на Кайласе. Схема 12 отражает типы

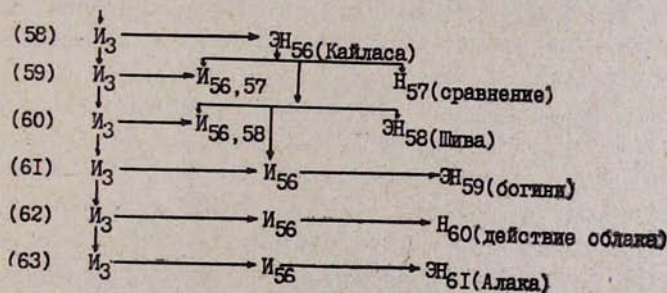

Схема 12. Четвертый эпизод. Типы межстрофных связей.

межстрофных связей эпизода. Кроме I_3 (облако) константным на протяжении всего эпизода является I_{56} (Кайлас). В двух строфах. имеем ТП с производными индексами I_{56} (красота горы) и I_{56} (гора Забав). В строфе 58 облако уже достигло Кайласы. Но прежде чем направиться в Алаку, облако опять-таки выполняет «поручения» полезные и приятные. В строфе 59 облако, взойдя на вершину Кайласы, заставляет богов умилиться прекрасной картиной цветового контраста ослепительной белой вершины и своего черного тела. Потом облако превращается в мягкую лестницу под ногами разгуливающей божественной четы (№ 60). В строфе 61 оно ублажает молодых богинь и т. д. Только в № 63 облако достигает Алаки, родины якши.

Алака—город, куда устремлены все помыслы якши, и естественно, его упоминанием кончается первая часть поэмы: облако достигло заветного города, кончилось его длительное путешествие, кончился мотив пути. Во второй части облако уже меньше фигурирует как непосредственно главное действующее лицо; основную часть занимают описания Алаки, дома якши, его жены и послание к ней. Но облако продолжает постоянно присутствовать как адресат речи героя. К тому же оно и его спутники (молния, пром, радуга и т. д.) становятся образами для многочисленных сравнений во второй части. Облако становится высшим эталоном великолепия и красоты, с которым сравнивается все самое заветное для якши: дворцы Алаки, гора Забав, арка дома якши и т. д.

№ 64, как и следующие 7 строф вместе с главной частью в № 63 составляют формально одно сложноподчиненное предложение с однородными придаточными определительными, каждое из которых занимает одну строфу. Но хотя синтаксически строфы 63 и 64 составляют одно предложение, тем не менее граница первой и второй частей поэмы выбрана точно. Начинается новая тема—описание города Куберы. В разграничении первой и второй частей поэмы важен именно контраст между описанием движения и статики.

Объединяющая все эпизоды второго раздела тема путешествия является причиной того, что строфическое наполнение—равномерно и одинаково на протяжении всего раздела. Строфы-определения здесь чередуются со строфами с деепричастиями и личными глаголами в качестве ключевых слов, со строфами с сентенциями, со строфами с соблазном и предостережением. Толь-

ко в этом разделе встречаются строфы-сравнения. Однажды употребляется открытый (№ 30—31) и однажды разомкнутый (№ 32—33) периоды. Встречаются и строфы-одиночки (№ 37, 60, 61).

5. ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ (№ 64—77)

5. 1. Первый эпизод (№ 64—71).

Микротема: описание Алаки. Схема 13 отражает тип межстрочных связей эпизода.

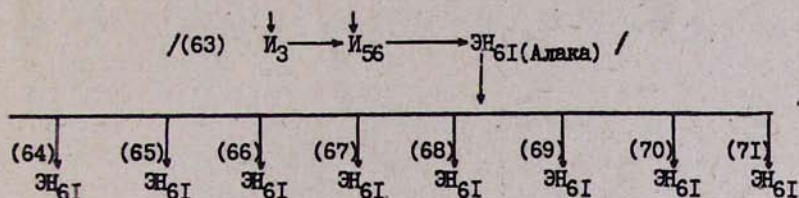

Схема 13. Типы межстрочных связей первого эпизода первого раздела второй части.

В каждой из строф-придаточных предложений описывается какой-нибудь предмет, являющийся производным от главного предмета описания ЭН₆₀ (Алака).

Обратим внимание на местоположение в строфах относительного наречия уатга «где», посредством которого относительные придаточные присоединяются к главному предложению (см. схему 14).

Если приглядеться, то увидим некоторую закономерность расположения относительного наречия в строфах. Уатга состоит из двух слогов: первый—долгий, а второй—краткий. И естественно самое удобное местоположение в строфе такое, где за долгим слогом должен следовать краткий (схема 15).

В строке размера «мандакранта» есть три такие позиции: непосредственно после второй цезуры, на слогах 14—15 и 16—17. Позицию после второй цезуры Калидаса использует 5 раз (в строфах 65, 69, 70, 71). Позицию на слогах 14—15—однажды в строфе 68. Третью позицию в данном фрагменте поэт не использует. В двух случаях (в № 65 и 67) Калидаса относительным словом начинает строфу. Для этого ему надо было удлинить второй слог. Поэтому он в одном случае (№ 66) употребляет относительное местоимение в локативе—уасуат «в которой», а во втором

			yasyām		yatra	
64		65		66		67
	yatra	yatra				
		yatra		yatra		yatra
68		69		70		71
	yatra jalair					

Схема 14. Местоположение в строфах первого эпизода второй части
относительного наречия yatra.

случае сразу после *yatra* помещает слово *strīṇām*, начинающееся группой согласных, таким образом, удлиняя и второй слог: *yatra strīṇām*..

Схема 15. Строка размера «мандакранта».

Во второй и третьей строках относительного периода (№ 64, 65) слово *yatra* расположено после второй цезуры в четвертой строке. Обе эти строфы отличаются перечислением пар однородных членов. В строфе 64—это перечисление пар предметов и образов сравнения (подлежащих и дополнений). № 65 замечательна собственным изощренным ритмом: первую строку занимают два разных по размерам предложения, вторую строку занимает одно длинное, третью строку—два кратких предложения, разделенные цезурой, и четвертую строку—одно длинное. Все это—именные предложения, перечисляющие, какие украшения носят женщины Алаки. Обе строфы имеют одинаковую перечислительную интонацию, и слово *yatra* в обеих строках имеет одинаковое местоположение. Вместе с придаточным определительным строфы 63 они составляют одно ритмическое целое, соединяясь перечислительной интонацией и конечной позицией относительного слова.

В строфах 66—67 относительное слово находится в самом начале строфы. Эти строфы, а также № 68 отличаются от первых двух своей внутренней структурой благодаря тому, что в обеих имеем придаточные простые распространенные предложения, первое из которых развернуто за счет деепричастного, второе за счет бахуврихального и третье—за счет деепричастного оборотов. Этот ритмический и синтаксический отрывок завершает строфа 68, в которой *yatra* расположено на слогах 14—15 третьей строки. Такое изменение расположения относительного слова разнообразит ритмический рисунок. Объединению этих строф в одно ритмико-синтаксическое целое способствуют также сказуемые, выраженные личными формами глаголов настоящего времени в значении обычного настоящего, а также множественное число подлежащих и соответственно сказуемых.

Далее идут еще три строфы (№ 69, 70, 71), где слово *yatra* расположено после второй цезуры первой строки. Объединению этих строф в единое ритмико-синтаксическое целое способствует

также единственное число подлежащих и соответственно сказуемых в предложениях, что противопоставляется предыдущему отрывку. Таким образом группа сходно построенных строф чередуется с группой строф другой структуры, чтобы однообразие, завораживающее до определенного предела, не утомило слушателя-читателя.

5. 2. *Второй эпизод (№ 72—77).*

Микротема: дом яки. В схеме 16 показаны типы межстроф-
ных связей эпизода.

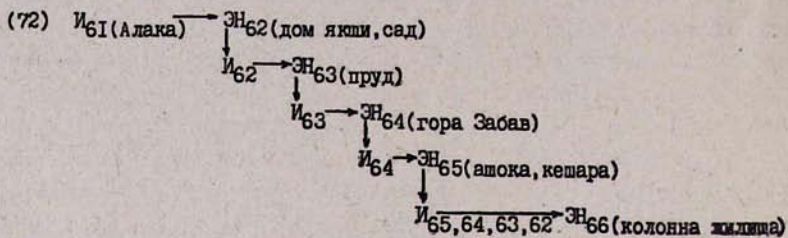

Схема 16. Второй эпизод. Типы межстрофных связей.

Как в первом эпизоде, так и здесь, облако является лишь адресатом, появляясь как действующее лицо, только в конечной строфе эпизода (77). Здесь мы имеем явно выраженный тип простой линейной ТП. Эпизод кончается строфой 77, в которой словосочетание *ebhiḥ lakṣaṇaḥ* «этими приметами» охватывает все новые предметы (сад, пруд, горку Забав и т. д.), которые описывались в предыдущих строфах. Одновременно добавляются еще две приметы: *śaṅkharadmau* (раковина и лотос, нарисованные по обе стороны двери жилища). Именно тем, что деепричастный оборот—это добавочное высказывание, и объясняется его постпозитивность. То есть словосочетание «этими приметами» относится не к *śaṅkharadma*, а к предыдущим приметам. На это указывает и соединительная частица *sa* «и» в деепричастном обороте, имеющая присоединительное значение. Эту строфу можно перевести так:

«По этим приметам, хранимым в сердце (памяти), ты милый узнаешь; да еще увидев по обе стороны двери две нарисованные фигуры—раковину и лотос—дом, (пусть и) потускневший теперь из-за моего отсутствия. Ведь и лотос не сохраняет своей красоты после ухода солнца».

Слово bhavanaṇ «дом» является дополнением для сказуемого lakṣayethāṇ «узнаешь». Конец эпизода и всего первого раздела второй части отмечается также изменением общей временной соотносительности повествования от описательного настоящего к оптативу, проецирующему действие в будущее время.

Остановка движения облака и последовательное описание новых объектов являются причиной обилия в данном разделе строфоопределений. Весь открытый период, составляющий первый эпизод, представляет сложную разновидность таких строф; во втором эпизоде есть три строфы с характеристикой ключевого слова, две строфы-одиночки, и одна строфа с сентенцией. Таким образом, строфическое наполнение раздела не отличается разнообразием.

6. ВТОРОЙ РАЗДЕЛ (№ 78—95)

Вот какова картина межстрофных связей второго раздела (см. схему 17). Этот раздел делится на два эпизода. В нем опять появляется константный И₃ (облако), ибо для якши очень важно

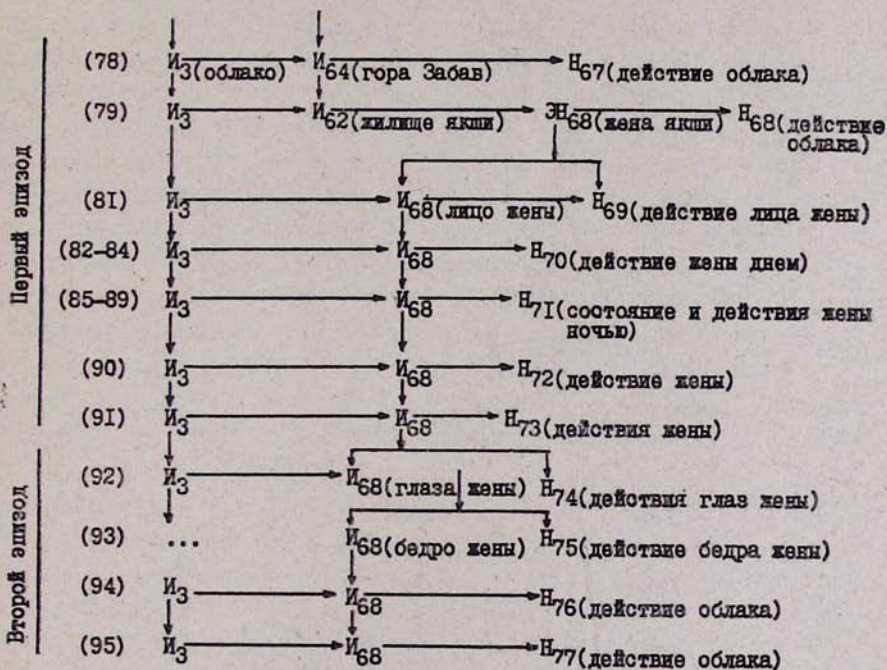

Схема 17. Второй раздел второй части. Типы межстрофных связей.

впечатление, которое произведет на облако описание страдающей от разлуки жены. Вторым на протяжении раздела константным индексом является I_{68} (жена якши). Новая информация в основном касается состояния и действий жены в разлуке. Три раза появляется тип ТП с производными индексами (этими индексами являются I'_{68} (лицо жены) (№81), I''_{68} (глаза жены) (№92), I'''_{68} (бедро жены) (№93)). Обратим внимание на некоторые интересные моменты.

6. 1. Первый эпизод (№ 78—91)

Микротема: состояние и действия жены якши днем и ночью.

1) В начальной строфе раздела (№ 78) жена якши еще не упоминается, но уже подготавливается бережное отношение облака к ней. Здесь якша призывает облако бросить свой взор—мигание молнии—внутрь жилища. При этом взор должен слабо мерцать, подобно веренице светлячков, для того, чтобы жена не испугалась. Читатель ожидает увидеть жену якши в следующей строфе.

2) Строфы 79—80 составляют разомкнутый период-сложно-подчиненное предложение с препозитивным относительным придаточным в № 79 (см. объяснение этого периода в разделе Б II главы данной работы). Как мы уже говорили, придаточная часть описывает жену якши такой, какой муж знал ее до разлуки, а главная часть—такой какой она предстает в воображении мужа в разлуке. Якша описывает жену, наблюдаемую облаком. Не случайно поэтому Калидаса употребляет препозитивное относительное придаточное, а глагол во втором лице находится в главной части (№ 80). Ибо облако не может видеть жену якши такой, какой она описана в № 79, оно может видеть ее только уже измененной страданиями разлуки (№ 80).

3) Строфы 82—84 составляют одно сложносочиненное предложение, части которого соединяются друг с другом разделительными союзами (частицами) $va \dots va \dots$ Здесь перечисляются действия жены якши днем (см. главу II, раздел Б). Интересно отметить частоту употребления разделительной частицы в строфах. В № 82 она употребляется 3 раза: три сочиненные части расположены по строкам, последнюю из них занимает цитация прямой речи жены. В № 83 сказуемым выражено только одно действие, и естественно разделительная частица употребляется однажды. В № 84 перечисляются два главных действия. Первое сказуемое

со своей группой занимает первое двуступное, группа второго— третью строку. Последнюю занимает обобщающая сентенция. Естественно, «или» употребляется дважды (в первой и третьей строках).

Такова частотность употребления разделительных частиц в строфах (схема 18). Такая частотность перечисляемых сказуемых (3—в первой строфе, 1—во второй и 2—в третьей) создает своеобразный ритмический рисунок с повышающейся и понижающейся интонацией перечисления, которое разрешается обобщающей сентенцией в последней строке строфы 84.

4) Строфы 85—89 составляют открытый период, описывающий жену якши ночью. Здесь действия и состояния жены выражаются или прилагательными, или бахуврихи, или же причастиями настоящего времени в аккумулятиве (№ 86—*yārayantīṃ* «проводящую», № 87—*vikṣipantīṃ* «отбрасывающую», *nīdrām ākāṅkṣantīṃ* «жаждущую сна», № 88—*sārayantīṃ* «отводящую», № 89—*chādayantīṃ* «прикрывающую»). Находясь в самом сильном положении—в конце строки—формы на—*antīṃ* перекликаются между собой, рифмуясь и подчеркивая ритм перечисления. Строфа, 90, подытоживающая впечатление от воображаемого созерцания жены якши в разлуке, также имеет причастие настоящего времени в конце первой строки. Здесь оно, как и в «дневной» картине, в номинативе. До этого в ночном отрывке причастия были в аккумулятиве, и этот переход от аккумулятива к номинативу выглядит достаточно неожиданно, возвращает нас к «дневному» отрывку и как бы скрепляет два куска (дневной и ночной) воедино.

5) № 91—как бы вводная, комментирующая содержание предыдущих строф. Строфа состоит из трех предложений. Последнюю строку занимает сложноподчиненное предложение, которое имеет анафорический скреп—*nīkḥilam* «все». Это слово имеет в виду не только то, о чем говорилось в предшествующих предложениях этой строфы, но и все то, о чем рассказывалось во всем эпизоде (т. е. облаку станет очевидным тяжелое состояние жены якши в разлуке с любимым). Это последнее предложение охватывает своим содержанием все предыдущие строфы фрагмента, обобщает их содержание и оформляет концовку эпизода.

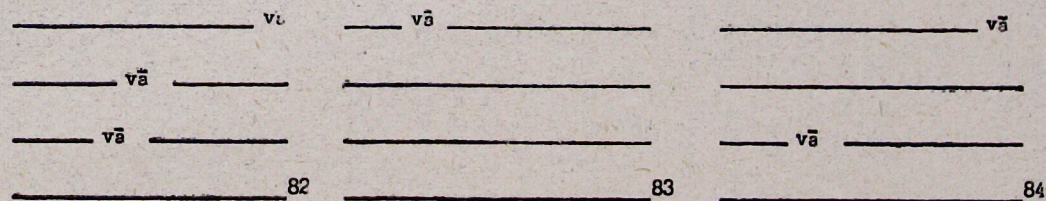

Схема 18. Местоположение разделительной частицы в отрывке с описанием действий жены якши днем.

6. 2. Второй эпизод (№ 92—95).

Микротема: реакция жены на появление облака.

Обратим внимание на те логические отношения, которые наличествуют между строфами данного эпизода. На появление облака реагируют глаза (№ 92), бедро (№ 93) бодрствующей жены. Строфы эти находятся в отношении перечисления, что подчеркивается в частности частицей са «и» (№ 93). Строфа 94 находится к первым двум в отношении сопоставления. Вот схематический перевод этих строф:

(№ 92) «Когда ты приблизишься, глаза газелеокой, скидываемые вверх, обретут сходство с красотой голубых лотосов, дрожащих от метания рыбок»,

(№ 93) «И ее прекрасное бедро... придет в трепет...»

(№ 94) «Если (же) в это время (т. е., когда ты приблизишься.—В. А.) она будет счастлива во сне, воздержись от грома, подожди хоть одну стражу...»

Строфа 95 продолжает описание впечатления, которое облако произведет на жену, и подготавливает изложение послания. Сказуемое *vaktum pragamethāḥ* «начни говорить» направлено вперед и вмещает в себя всю дальнейшую речь якши. Что именно должно сказать облако, излагается в следующем разделе.

Строфическое наполнение раздела определяется основным мотивом раздела: описанием жены. Разомкнутый (№ 79—80) и открытый (№ 85—89) периоды можно причислить к сложным разновидностям строф с характеристикой ключевого слова. Кроме этого употребляются еще три строфы этого рода (№ 81, 92, 93), две строфы с соблазном и предостережением (№ 85, 94) и две строфы с сентенцией (№ 90, 91), одна с деепричастием и личным глаголом в качестве ключевых слов.

7. ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ (№ 96—111)

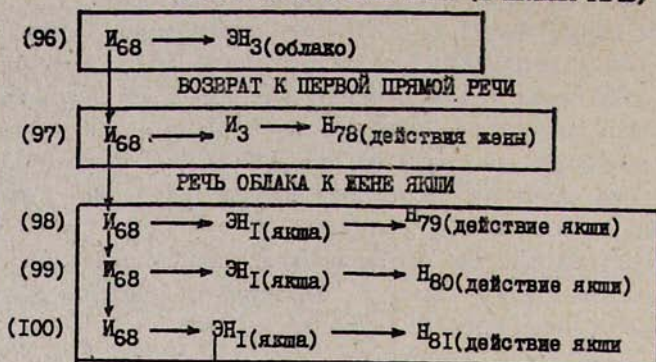
7. 1. Первый эпизод (96—100).

Схема 19 наглядно показывает типы связей между строфами раздела.

Микротема: речь облака к жене якши. Эпизод составляет вторая прямая речь, где облако (непосредственный адресант) представляет себя жене якши, сообщает, что муж ее жив и шлет

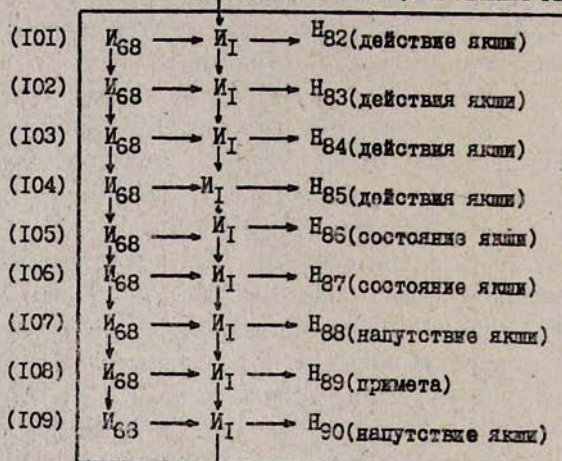
РЕЧЬ ОБЛАКА К ЖЕНЕ ЯКШИ (II ПРЯМАЯ РЕЧЬ)

Первый эпизод

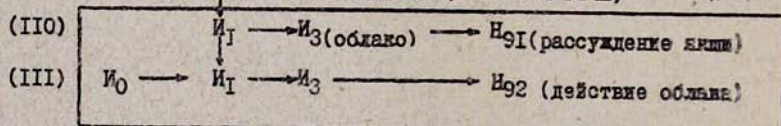
СЛОВА ЯКШИ К ЖЕНЕ (III ПРЯМАЯ РЕЧЬ)

Второй эпизод

ОБРАЩЕНИЕ ЯКШИ К ОБЛАКУ (I ПРЯМАЯ РЕЧЬ)*

Третий эпизод

ей послание. В строфе 97 происходит недолгий возврат к первой прямой речи, а в строфе 98—снова переход ко второй прямой речи.

Схема 19. Типы межстрофных связей третьего раздела, второй части.

* И₀—индекс охватывает содержание всего поручения якши.

Кроме связующего индекса I_{68} (жена) появляется $ЭН_1$ (якша). В данном эпизоде о якше говорится, как о ком-то неизвестном, ибо в данной конситуации «якша» — неизвестное. Облако, обращаясь к жене, называет его *taṃ sahaśagaḥ* «твой друг», (№ 98), а далее называет его различными эпитетами, подчеркивающими его любовь и верность.

7. 2. Второй эпизод (101—109).

Микротема: слова якши к жене. Эпизод составляет третья прямая речь, где якша обращается к жене с посланием. На протяжении всего эпизода связующими индексами являются I_{68} (жена) и I_1 (якша). Новое сообщает о разных действиях и состоянии якши в разлуке, интимную примету и увещание якши жене.

№ 106 находится к № 105 в противительном отношении, а первое предложение № 107 обосновывает содержание первого двуступия № 106.

(№ 105) «Таковыми невыполнимыми желаниями преисполненное сердце стало беззащитным».

(№ 106 (Но) конечно, много размышляя, я поддерживаю себя. Поэтому и ты, о прекрасная, не очень отчаивайся.

(№ 107) (Ведь) когда Вишну поднимется с ложа-змея, (настанет) конец моему проклятью».

7. 3. Третий эпизод (110—111)

Микротема: последние напутствия якши к облаку и благословение. Совершается возврат к первой прямой речи. Связующими индексами являются I_1 (якша) и I_3 (облако). Последняя строфа поэмы соединяется с содержанием всего поручения якши: словосочетание *etaḥ pṛiyaṃ* «эту любезность» охватывает его целиком. Этим связующим индексом обобщается и подытоживается все, о чем якша просил облако.

Раздел этот своеобразен по строфическому наполнению. Описательность здесь уступает место непосредственным излияниям чувства, лирическим и философским размышлениям, сокровенным признаниям. Этим объясняется резкое уменьшение числа строф с характеристикой ключевого слова (лишь в строфах, где облако представляет жене якши себя и якшу—№ 96, 100, 103), обилие строф с лирическими отступлениями и сентенцией (№ 97, 98, 102, 105, 106, 109, 110). Они иногда перемежаются другого

рода строфами: строфой с соблазном и предостережением (№ 104), строфами-одиночками (№ 99, 101, 107). Последняя строфа поэмы—строфа движения (с деепричастием и личным глаголом в качестве ключевых слов), ибо облако—вечный странник, и поэма кончается темой пути и странствования.

8. ВЫВОДЫ

1. Структурная особенность поэмы—переходы от первой прямой речи ко второй и третьей—помогает прочувствовать трагедию якиши, обезумевшего от тоски и стремящегося осуществить неосуществимое, сделать вестником неодушевленное облако. Вместе с тем непосредственная передача слов облака к жене или якиши к жене усиливает эмоциональную насыщенность, помогает ощущению непосредственного чувства, созданию атмосферы интимности и задушевности.

2. Анализ типов ТП, преобладающих в каждом разделе поэмы и в каждом из эпизодов данного раздела, показывает как разнообразна и неповторима структура каждого раздела, как в зависимости от содержания, художественной цели и микротемы меняется структура эпизода или раздела.

В первом разделе сочетаются лаконичная повествовательность первого эпизода с экспрессией второго. Соответственно эпизоды разнятся и в структурном отношении. Резко отличаются они и своим строфическим наполнением. Раздел о путешествии облака состоит из эпизодов, менее резко различающихся как структурой, так и строфическим наполнением. Тем не менее и здесь поэт находит средства, чтобы разнообразить и освежить повествование. Вспомним хотя бы интересное ритмическое нарастание синтаксически одинаково построенных строф и разрешение ритмического напряжения в конце первого эпизода, где облако достигает Махакалы; чередование описания довольно длительной остановки облака у Махакалы с описанием быстрого передвижения его в следующем эпизоде (см. с. 360—363) и т. д. Особенно сложна и интересна в структурном отношении вторая часть поэмы. Описательность первого и второго разделов диктует здесь частое употребление открытых и разомкнутых периодов, представляющих сложные разновидности строф с характеристикой ключевого слова, их сочетание с замкнутыми строфами (во

втором разделе). Третий раздел не так интересен типами связности, зато предельная экспрессия и непосредственные излияния чувств героя усиливаются употреблением второй и третьей прямой речи, а также своеобразным и резко отличным от предыдущих разделов строфическим наполнением.

3. Таким образом, анализ позволяет нередко непосредственно приобщиться к таинствам творческого процесса, осознать творческие закономерности, руководимые надсознанием (напомним хотя бы тончайшее ощущение поэтом синтаксического ритма в эпизоде, посвященном Алаке).

4. Обычно при чтении и анализе поэмы строфа рассматривается как независимое целое; логической связи строф уделяется мало внимания. Структурный анализ способствует правильному пониманию и комментированию логического развития мысли автора, смысла отдельных строф и их связности.

Понимание связности, логических отношений между строфами помогает правильной трактовке содержания поэмы, расстановке смысловых акцентов при ее переводе, ибо иногда в переводе бывает необходимым подчеркнуть, формально выразить синтаксические отношения, которые в подлиннике наличествуют латентно, и могут быть выведены лишь после подробного анализа.

5. Структурный анализ помогает раскрытию художественной цели поэта, пониманию тесной связи и обусловленности ритмического, синтаксического и стилистико-семантического аспектов поэтического произведения.

1 См.: Предисловие издания Де [62, с. XXVII—XXVIII], где приводятся достаточно примеров. Де подкрепляет свое мнение ссылкой на работу Tarapada Chowdhury, *Linguistic Aberrations in Kālidāsa's Writings*. Patna, 1951.

2 В основу разделения поэмы на отрывки берется деление, которое дается в [70, с. 83], но несколько измененное согласно критическому изданию.

3 Термин «определятельное причастие» употребляется применительно к индийской грамматике, так как причастия могут здесь иметь функции, характерные для деепричастия и личного глагола.

4 Пространное бахуврихи, в котором присутствует или подразумевается глагольное имя (имя действия, деятеля и т. п.), а также бахуврихи, вокруг которого группируются зависящие от его компонентов отдельные слова (дополнения, обстоятельства, определения), образуют так называемые бахуврихиальные обороты.

5 В нашей работе использован оригинал поэмы по критическому изданию [62] (в дальнейшем указываем только номер строфы).

6 Бахуврихиальные обороты могут переводиться на русский язык определенными придаточными предложениями (здесь и далее дается буквальный перевод, выполненный нами).

7 Связь между главной и придаточной частями можно представить с помощью стрелки зависимости: «чье упавшее перо... того, павлина Сканды...»

8 Стихи даны в переводе П. Риттера, по изданию [20, с. 274].

9 «В сопоставительных предложениях устанавливаются различия между двумя сходными явлениями. Семантическое наполнение частей сопоставительного предложения характеризуется специфическим единством черт общности и различия, что проявляется в характере лексического состава и строения частей, которые в сопоставительных предложениях известным образом типизированы» (см. 14, с. 668).

10 В некоторых случаях можно считать, что строфа строится из самостоятельных предложений, которые связываются друг с другом тем или иным синтаксическим отношением, хотя и такое определение синтаксической структуры строфы не является бесспорным. Когда нет разработанной пунктуации, отражающей ритм и интонацию, разграничение сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, с одной стороны, и отдельных самостоятельных предложений—с другой, во многом эмпирично и условно.

11 Бахуврихи и причастие здесь занимают первое двустопное и как бы обособляются от своего определяемого, находящегося в третьей строке, но в формуле мы не выражаем это, так как облик строфы определяет не бахуврихи, а афористическая сентенция. При большей скрупулезности формула строфы должна бы выглядеть так [2+1] + [1].

12 Знаком /// обозначаем цезуру

13 Разумеется, мы не пытались в настоящем обзоре дать всю литературу по данному вопросу, а лишь очертили основные направления, в которых ведутся исследования, и отметили в особенности те работы, которые в той или иной степени были использованы при написании третьей главы.

14 В отличие от цепной связи, когда устанавливаются соотношения между членами объединяемых предложений («подлежащее-дополнение», «дополнение-дополнение» и т. д.), которые воплощаются посредством одинакового лексического выражения членов предложений или с помощью субституции, последний случай Г. Я. Солганик называет параллельной связью между предложениями, когда последние не сцепляются одно с другим, а сопоставляются, при этом, благодаря параллелизму конструкций, в зависимости от лексического «наполнения, возможно сопоставление или противопоставление [9, с. 132]. В качестве примера С. И. Гиндин цитирует Михалкова: «Кто на лавочке сидел, кто на улицу глядел.. Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал», где 1—2, 3—4, частично 5 сегменты связаны повтором всей синтаксической конструкции, одновременно все 5 сегментов объединены повторением грамматического значения прошедшего времени.

15 Данеш в понимании темы сходится с мнением Е. Бенеша, которого цитирует. (См.: Е. Бенеш. *Začátek nemecké tvěty z hlediska aktuálního cítění větného. SMF, 41, 1959*). Цитируется по обзору [12], согласно которому и задается классификация тематических последовательностей Ф. Данеша.

16 В дальнейшем в конкретном тексте эти и другие модели ТП комбинируются по-разному и содержат отклонения.

17 Так, К. Г. Крушельницкая выделяет «состав данного» и «состав нового» [24].

18 Некоторые исследователи вводят более подробные показатели наличия и отсутствия так называемого коммуникативного динамизма. Например, Я. Фирбас различает собственно тему, остаток темы, собственно переход, остаток перехода, рему и собственно рему [см. 48]. Но для нашего анализа мы не нуждаемся в такой подробной классификации.

19 Слово «тема» нами понимается в литературоведческом значении термина, как «объект художественного изображения». Микротема это предмет описания в данном отрывке. Например, «микротема эпизода».

20 Сангита—«пение совместно» (с инструментами и т. п.).

21 С. И. Гиндин называет такой повтор полным чисто семантическим. При таком повторе во втором члене повторяется вся совокупность семантических признаков первого члена, но фонетическое и грамматическое тождество отсутствует [см. 10, с. 129].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Г. Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса. ВЯ, 1977, № 1.
2. Беллерт И. Об одном условии связности текста. «Новое в зарубежной лингвистике», М., 1978.

- 3 Белый А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре. «Символисты», М., 1910.
- 4 Бондаренко Г. В. К изучению текста как иерархической структуры суперсинтаксических единиц. «Научно-техническая информация», серия 2, 1975, № 8.
- 5 Брик О. Ритм и синтаксис. «Новый Леф», 1927, № 3.
- 6 Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980 (1930).
- 7 Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.
- 8 Винокур Г. О. Слово и стих в «Евгении Онегине». «Пушкин», М., 1941.
- 9 Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений. «Избранные работы по русскому языку». М., 1959.
- 10 Гиндин С. И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 14, М., 1971.
- 11 Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948—1975). «Изв. АН СССР», т. 36, 1977, № 4.
- 12 Горшкова И. М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике. «Синтаксис текста». М., 1979.
- 13 Грамматика русского языка (редакционная коллегия: Виноградов В. В., Истрина Е. С.) т. II, ч. 1, 2, 1954.
- 14 Грамматика современного русского литературного языка (ответственный редактор Шведова Н. Ю.), М., 1970.
- 15 Джаукян Г. Б. Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.
- 16 Дорощев Г. В., Мартенянов Ю. С. Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 12, М., 1969.
- 17 Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III—VII классов «Изв. АПН РСФСР», вып. 78, 1956.
- 18 Жирмунский В. М. Мелодика стиха. «Вопросы теории литературы», Л., 1928.
- 19 Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.
- 20 Калидаса. Избранное, М., 1956.
- 21 Калидаса. Избранное, пер. С. Липкина, М., 1974.
- 22 Калидаса. Облако-вестник (предисловие, примечания и перевод с санскрита на армянский В. В. Аракелян, жур. «Гарун», Ереван, 1979, № 4 (на арм. яз.).
- 23 Кальянов В. И., Эрман В. Г., Калидаса. Очерк творчества. М., 1958.
- 24 Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ, 1956, № 5.
- 25 Литвиненко А. С. Порядок слов в переводе на русский язык. «Ученые записки 1 МГПИИЯ», т. 7, 1955.
- 26 Лосева Л. М. К изучению межфразовой связи (Абзац и сложное синтаксическое целое). «Русский язык в школе», 1967, № 1.
- 27 Николаева Г. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. «Новое в зарубежной лингвистике», М., 1978.

- 28 Пащенко В. И. Гордость индийской литературы—Калидаса. М., 1956.
- 29 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, (1914).
- 30 Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 2, 1948.
- 31 Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. «Ученые записки МГУ», вып. 137, кн. 2, 1948.
- 32 Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина М., 1960.
- 33 Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, М., 1958 (1888).
- 34 Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста. «Новое в зарубежной лингвистике». М., 1978.
- 35 Риттер П. Г. Калидаса, его время и произведения. «Избранные труды русских индологов-филологов», М., 1962.
- 36 Сгалл П. К программе лингвистики текста. «Новое в зарубежной лингвистике», М., 1978.
- 37 Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.
- 38 Серебряков И. Д. Древнеиндийская литература (краткий очерк). М., 1963.
- 39 Серебряков И. Д. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.
- 40 Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.
- 41 Солганик Г. Я. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы (сложные синтаксические целые). На материале современной публицистики. М., АКД, 1965.
- 42 Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973.
- 43 Томащевский Б. В. О стихе. Статьи. Л., 1929.
- 44 Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы». Т. 2. М.—Л., 1958.
- 45 Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965 (1925).
- 46 Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста. «Русский язык в школе». 1948, № 3.
- 47 Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М., 1961.
- 48 Фирбас Я. Функция вопроса в процессе коммуникации. ВЯ, 1972, № 2.
- 49 Щерба Л. В. «Избранные работы по русскому языку», М., 1957.
- 50 Эйхенбаум Б. А. Мелодика русского лирического стиха. «О поэзии», М., 1969, (1922).
- 51 Эрман В. Г. Калидаса. М., 1976.
- 52 Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. «Поэтика». Варшава, 1961.
- 53 Eeckh H. Ein Beitrag zur Textkritik von Kālidāsa's Meghadūta. Berlin 1907.

54 *Boost K.* Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung. „Deutschunterricht“. Berlin—Leipzig, 1949, Heft 3.

55 *Chellappan P.* Similes of Kālidāsa. Calcutta, 1945, „Visva—Bharati Studies, Vidya Bhavana, N. 7.

56 *Daneš Fr.* Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommuni-
cats. „Studia grammatica XI, Probleme der Text. grammatik“. Berlin, 1976.

57 Die tibetische Übersetzung von Kālidāsa's Meghadūta, nach dem roten
und schwarzen Tanjūr herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Hermann
Beckh., Berlin, 1906.

58 *Galperin I. R.* Stylistics. M., 1977.

59 *Gonda J.* Syntax and verse structure in the Veda. „Indian Linguistics.
(Turner Jub. Vol.)“, Calcutta, 1958.

60 *Gonda J.* Old Indian. Handbuch der Orientalistik. II Abteilung, I Bd.,
I Abschnitt. Leiden—Köln, 1971.

61 *Jhala G. C.* Kālidāsa. Bombay, 1949.

62 Kālidāsa, The Megha—dūta of Kālidāsa, Critically ed. by S. K. De. New
Delhi, 1957.

63 The Meghadūta or Cloud Messenger; a poem in the Sanskrit language.
By Calidasa. Translated into English verse (also text) with notes and illustrati-
ons. By Horace Hayman Wilson. Calcutta, 1813.

64 Kālidāsa samikṣā. Ed. by. E. R. Srikrishna Sarma. Tirupathi, 1962.

65 *Karmarkar R. D.* Kālidāsa. Dharwar, 1960.

66 *Paranjpe V. K.* Fresh light on Kālidāsa's Meghadūta. Poona, 1960.

67 *Raghavan V.* Love in the poems and plays of Kālidāsa. Bangalore, 1955.

68 *Rangacharya.* A critical appreciation of Kālidāsa's Meghasandēśa, Mad-
ras, 1910.

69 *Ruben W.* Kālidāsa. Die menschliche Bedeutung seiner Werke, Berlin
1956.

70 *Sabnis Sh. At.* Kālidāsa. His style and his times, Tripathi, 1966.